

«АРХАНГЕЛЬСКИЕ» ГОЛИЦЫНЫ И ИХ ПОТОМКИ

К 600-ЛЕТИЮ РОДА
КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ

Государственный музей-усадьба «Архангельское»

«Архангельские» Голицыны и их потомки

К 600-летию рода князей Голицыных

Москва
2008

ББК 63.3(2)+63.214(2)
А 87

Государственный музей-усадьба «Архангельское»

Печатается по решению
Научно-методического совета Государственного музея-усадьбы
«Архангельское»

Под общей редакцией Л.Н.Кирюшиной

Рецензент – кандидат искусствоведения Е.Б. Шарнова

Авторы текстов: М.А.Крючкова – Предисловие и Часть 1
В.Г. Парушева – Части 2 и 3

«Архангельские» Голицыны и их потомки. К 600-летию рода князей
А87 Голицыных. [Текст, изоматериал]: общ. ред. Л.Н.Кирюшина – М.: ГМУ
«Архангельское», 2008. – 72 с.: ил.

Книга знакомит читателя с историей Архангельского в XVIII веке, когда им владели князья Голицыны – потомки знаменитого «верховника» Дмитрия Михайловича Голицына. Особое внимание уделяется его единственному внуку – Николаю Алексеевичу Голицыну (1751–1809), создавшему в Архангельском и соседнем Никольском-Урюпине прекрасные архитектурно-парковые ансамбли – замечательные памятники усадебной архитектуры эпохи классицизма. Шесть поколений «архангельских» Голицыных жили в этих усадьбах в XVIII–начале XX века. Книга рассказывает об этих людях, а также прослеживает их связи с ближайшими родственниками – Голицыными-«Михайловичами», которые сыграли заметную роль в судьбе Архангельского в середине XVIII века. Большое количество иллюстраций – портретов, архитектурно-ландшафтных видов, предметов декоративно-прикладного искусства, многие из которых публикуются впервые, помогут читателю зримо представить людей и эпоху.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2)+63.214(2)

**Государственный музей-усадьба
«Архангельское»
благодарит за сотрудничество:**

- Государственный Исторический музей
- Историко-архитектурный и художественный музей
«Новый Иерусалим»
 - Историко-архитектурный,
художественный и археологический музей
«Зарайский кремль»
- Музей-заповедник «Дмитровский кремль»
- Российский государственный архив древних актов
 - Российскую государственную библиотеку

К читателю

*«...Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины...»*

Так писал А.С.Пушкин в стихотворном послании «К вельможе», адресованном владельцу Архангельского Н.Б.Юсупову. Посетив усадьбу в 1827 году, поэт увидел в ней памятник века минувшего, века Екатерины.

Что же собой представляло Архангельское в ту эпоху, и еще раньше — в первой половине XVIII столетия? На этот вопрос ответить непросто. С начала века и до 1810 года усадьба принадлежала князьям Голицыным. Они внесли большой вклад в создание этого великолепного ансамбля, придали ему неповторимый облик. Однако документальные свидетельства их деятельности в усадьбе, а зачастую и биографические данные, весьма скудны. Насколько красноречиво говорит об их художественном вкусе камень дворцов, настолько немногословны архивы. И все-таки прислушаемся к этим разрозненным голосам. Письма «архангельских» Голицыных, их родственников и современников, печатные издания XVIII—XIX веков, документы государственных учреждений донесут до нас отзвуки ушедших времен.

С тем же семейством связано и строительство еще одной прекрасной усадьбы — соседнего с Архангельским Никольского-Урюпина. Голицыны купили его в 1774 году и окончательно обосновались там после продажи Архангельского. Здесь они прожили до революции.

В настоящее время обе усадьбы реставрируются. Никольское восстанавливается практически из руин. Государственный музей-усадьба «Архангельское» к 600-летию рода князей Голицыных подготовил это издание, которое поможет нашим посетителям погрузиться в атмосферу века Екатерины, расскажет об «архангельских» Голицыных и о созданных ими архитектурно-парковых ансамблях.

*Владимир Длугач,
директор
Государственного музея-усадьбы
«Архангельское»*

Предисловие

600 лет в истории России звучит имя князей Голицыных. Немного найдется русских аристократических фамилий, которые могли бы сравниться с ними по количеству громких имен во всех сферах государственной жизни: военном деле, дипломатии, культуре. Голицынский музей, Голицынская больница, Голицынская библиотека (она же Архангельская) — вот лишь те плоды их деятельности, которыми Голицыны дали свое имя. Представителями этого рода были построены красивейшие усадьбы Подмосковья: Дубровицы, Кузьминки, Большие Вязёмы, Никольское-Урюпино, Петровское, Яковлевское-Пехра. Целое столетие Голицыны владели усадьбой Архангельское и заложили основу ее славы и великолепия.

Дубровицы

Особняк Голицыных на Волхонке
(Голицынский музей)

Архангельское

Никольское-Урюпино

Кузьминки

Князья Голицыны принадлежат к титулованной знати литовского происхождения и ведут свое начало от великого князя Литовского Гедимина (умер в 1340/41 году). Его потомок Патрикей Александрович, князь Звенигородский на Волыни в 1408 г. приехал на службу ко двору великого князя Московского Василия I. Князь Патрикей был троюродным братом великой княгини Софьи Витовтовны, а сын его Юрий Патрикеевич женился на великой княжне Анне Васильевне, дочери Василия I.

Правнук Юрия Патрикеевича Михаил Иванович Булгаков, по прозвищу «Голица» (перчатка), стал родоначальником Голицыных. От Гедимина произошли еще несколько знатных родов в России и Польше, а также угасший во второй половине XVI в. польский королевский дом Ягеллонов.

С самого приезда своего на Русь Голицыны заняли высокое место в служебной иерархии. Всего среди них было 22 боярина. Они, как и другие Гедиминовичи, активно участвовали в событиях Смутного времени. Двое Голицыных были среди претендентов на русский престол в 1610 и 1613 годах. Род растерял в Смуту самых ярких своих представителей и был на грани исчезновения.

Продолжателем рода стал боярин Андрей Иванович Голицын, волею судеб оказавшийся в стороне от придворной борьбы. Еще в начале правления Бориса Годунова он вынужден был удалиться от двора и постричься в Иосифо-Волоцком монастыре под именем старца Дионисия. Дети, которыми боярин Андрей успел обзавестись до пострига, положили начало новому этапу в истории рода Голицыных. Одна из его дочерей была замужем за князем Дмитрием Пожарским. Старший сын умер бездетным. Младший сын Андрей Андреевич (умер в 1638 г.) имел четырех наследников — Василия, Ивана, Алексея и Михаила. Именно они стали родоначальниками четырех линий рода Голицыных, который, постепенно все больше разрастаясь, стал самым многочисленным аристократическим родом в России.

Особенно много выдающихся людей дало 7-е колено рода (от Гедимина — 14-е). Василий Васильевич Голицын — великий боярин времен царя Федора Алексеевича и царевны Софьи, Борис Алексеевич Голицын — видный деятель начала царствования Петра I, братья «Михайловичи» — Дмитрий и два Михаила (фельдмаршал и генерал-адмирал) — все они были двоюродными братьями. Из-за большого хронологического разрыва между старшей и младшей ветвью рода получилось так, что с 80-х годов XVII до 60-х годов XVIII века на первых ролях в государстве был кто-нибудь из этого поколения.

В XVIII в. лидерство переходит к четвертой, младшей отрасли рода — «Михайловичам». Они ведут свое начало от боярина Михаила Андреевича Голицына (1639—1687). Среди них мы видим двух фельдмаршалов, одного генерал-адмирала, вице-канцлера, трех президентов коллегий, двух членов Верховного тайного совета и двух — Императорского совета, семь сенаторов, двух генерал-губернаторов и двух губернаторов, семь андреевских кавалеров. Постоянно в ранге послов в Европе присутствовало несколько Голицыных, и тоже по большей части — представители младшей ветви рода.

Но не только удача выпала на долю Голицыных в XVIII столетии. Попытка ограничить самодержавие при вступлении на престол Анны Иоанновны навлекла на них монарший гнев. Не имея достаточных оснований для прямых репрессий, Анна пыталась унижить род. Внук В.В. Голицына Иван был сделан придворным шутом (именно для его шутовской свадьбы построили знаменитый ледяной дом). «Михайловичей» поначалу не трогали, но постепенно их все больше отстраняли от реальной власти, поручали службу подальше от столицы.

В 1736 г. царская опала стала явной: против неформального главы рода, старейшего сенатора Дмитрия Михайловича Голицына было сфабриковано дело. Он был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости. Пострадали и другие представители рода.

С восшествием на престол императрицы Елизаветы Петровны Голицыны восстановили свои позиции. В царствование Екатерины II они построили несколько великолепных подмосковных усадеб, в том числе Архангельское и Никольское-Урюпино.

В XIX веке род Голицыных продолжал занимать видное положение в русском обществе. В качестве благотворителей и меценатов Голицыны оставили после себя знаменитую Голицынскую больницу на Большой Калужской улице и Голицынский музей на Волхонке. Если когда-то роду грозило полное исчезновение, то теперь он необыкновенно размножился. К 1891 г. он насчитывал 90 князей, 49 княгинь, 38 незамужних княжон. Таким образом, фамилию Голицыных носили 177 человек. Кроме того, было еще 49 замужних княжон. Еще в XVIII веке Голицыны начали работать над составлением своей генеалогии. К поиску материалов они привлекли одного из крупнейших историков того времени – Г.-Ф. Миллера, который уже в 1767 г. опубликовал в Германии на французском языке первую генеалогию Голицыных. Потом она со значительными дополнениями была переиздана на русском языке в 1774 г. в сборнике Н.И. Новикова «Древняя российская вифлиофика». Самым полным генеалогическим сводом по сей день остается «Род князей Голицыных», произведение князя Н.Н. Голицына (СПб., 1892).

В XIX веке среди Голицыных – «Михайловичей» – крупных помещиков, военных и гражданских чиновников высшего звена – мы находим и обитателей подмосковной усадьбы Никольское-Урюпино. Это бывшие владельцы, а теперь соседи Архангельского. Их отдаленный предок – Дмитрий Михайлович Голицын, их ближайший предок – Николай Алексеевич Голицын – строитель дворца в Архангельском и изящного «белого домика» в Никольском. Именно этой отрасли рода Голицыных, запечатлевшей себя в двух прекрасных усадьбах Подмосковья, посвящено наше издание.

В голицынских родовых гнездах помимо предметов быта и коллекционных произведений искусства хранились фамильные портреты и архивы. После революции в некоторых усадьбах были созданы музеи, но век их был недолог. Едва возникнув, музеи закрывались, вещи из них передавались в центральные хранилища или в другие усадьбы, еще не потерявшие музейного статуса. Для предметов декоративно-прикладного искусства такая практика не означала ничего хорошего: многое ломалось, терялось, часть вещей была продана через антиквариат. Еще плачевней оказались последствия этих перемещений для портретных галерей. Фамильные портреты, хранившиеся в усадьбах, обычно не подписывались. Сдвинутые со своих мест, перемешанные с предметами из других коллекций, портреты часто утрачивали атрибуцию, а вместе с ней в значительной степени и историческую ценность. Вместо обозначения изображенного лица под ними теперь появлялась столь знакомая любому посетителю музеев надпись: «Неизвестный художник. Портрет неизвестного».

Судьба голицынских собраний московского региона такова. Портреты из дома вице-канцлера А.М. Голицына на Девичьем Поле и его наследников после революции поступили в Зарайский музей. Вещи из Кузьминок и Дубровиц распределили в разные места: часть попала в центральные московские собрания, часть – в весьма отдаленные периферийные музеи, часть – в Никольское-Урюпино, где тогда еще существовал музей, впрочем, доживавший последний дни. В 1929 г. он был расформирован, а большую часть его коллекции разделили два музея: соседнее Архангельское, исторически связанное с Никольским, и музей «Новый Иерусалим» в г. Истре. Оккупация Истры немецкими войсками в 1941 г. привела к утрате большинства голицынских экспонатов из ново-иерусалимского собрания.

Почти все, что сохранилось из наследия «архангельских» Голицыных в самом Архангельском и Новом Иерусалиме (живопись, графика, скульптура, мебель, предметы декоративно-прикладного искусства) представлено в настоящем издании. Из Зарайского музея и музея-заповедника «Дмитровский кремль» – редкие и уникальные изображения Голицыных из ветви «Михайловичей». Два портрета принципиально важных для раскрытия темы издания предоставил для публикации Государственный исторический музей.

Яковлевское-Пехра

Большие Вяземы

Петровское (Петрово-Дальнее)

Голицынская больница

Церковь при Голицынской больнице

«Галерея М.Н. Голицына» (Петровский пассаж)

Часть 1*. АРХАНГЕЛЬСКОЕ И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Голицыны владели Архангельским более века. Именно они превратили село на берегу старицы Москвы-реки в роскошный дворцово-парковый ансамбль, один из самых известных в Подмоскowie.

Голицынский период истории Архангельского гораздо хуже обеспечен архивными документами и изобразительным материалом, чем юсуповский. Поэтому он долго оставался в тени. Не вполне ясно даже, когда именно и каким способом Голицыны приобрели это имение (главный владельческий документ – отказную запись – так и не удалось обнаружить в архивах). Первое упоминание села в качестве их вотчины относится к 1703 г., но как долго к этому времени оно им принадлежало, неизвестно. Бесспорно одно – они получили Архангельское благодаря женитьбе князя Дмитрия Михайловича Голицына на Анне Яковлевне Одоевской, наследнице прежних владельцев.

Неизвестный художник конца XVIII в.
Портрет князя Дмитрия Михайловича
Голицына (1665–1737)

Князя Одоевские, владевшие Архангельским в XVII веке, отдали его Михаилу Яковлевичу Черкасскому в приданое за княжной Марфой Яковлевной. После ее смерти в 1699 г. согласно тогдашним законам имение могло быть возвращено в род Одоевских и, видимо, тут же было вновь отдано в приданое за сестрой Марфы Яковлевны Анной, дочерью последнего владельца Архангельского из рода Одоевских – Якова Никитича; мужского потомства Я.Н.Одоевский не имел. Если бы М.Я.Черкасскому удалось удержать за собой Архангельское, то в дальнейшем оно с приданным его внучки княжны Марьи Алексеевны попало бы к Шереметевым, которые уже владели селом в XVII веке. Таким образом оно вошло бы в число их великолепных подмосковных (Кусково и Останкино). Но все сложилось иначе. Где-то между 1699 и 1703 г. Архангельское оказалось в собственности Голицыных и оставалось у них до 1810 года.

Бурные события политической жизни России XVIII века, в которых князя Голицыны играли не последнюю роль, наложили отпечаток на историю их усадьбы. Она пережила и периоды расцвета, и годы упадка, была конфискована в казну и опять вернулась к прежним владельцам.

Решающую роль в судьбе Архангельского в первой половине века сыграл первый его владелец из рода Голицыных князь Дмитрий Михайлович Голицын (3 июня 1665–14 апреля 1737). Старший сын боярина Михаила Андреевича

Голицына от брака с Прасковьей Никитичной Кафтыревой Дмитрий начал службу комнатным стольником при царе Петре Алексеевиче. В 1697 г. в числе 39 молодых русских аристократов он был послан Петром I в Италию для обучения навигационной науке. Местом их учебы стал город Перасто в Далмации, который тогда находился под властью Венецианской республики. В наставники им определили хорвата Марка Мартиновича. Пользуясь близостью Венеции, русские стольники часто там бывали. Флотоводцем Дмитрий Голицын так и не стал, зато познакомился за границей с европейской культурой. Знакомство это, как показала дальнейшая его карьера, не было поверхностным. Его заинтересовал не столько внешний антураж европейской жизни, который легко перенимала русская дворянская молодежь, и не узкотехнические навыки, которых требовал царь, но достижения европейской политической мысли.

* Примечания к Части 1 см. на стр. 24

Как и большинство деятелей Петровского царствования, Дмитрий Михайлович Голицын выступал в разных качествах: дипломата, гражданского и военного администратора, финансиста, царского советника. По возвращении из Италии, он выполнял ряд дипломатических поручений в Константинополе, Польше и Саксонии. Россия тогда вступила в общеевропейскую Северную войну, и его поставили во главе военного корпуса, посланного царем Петром в помощь своему союзнику – польскому королю и саксонскому курфюрсту Августу II Сильному. Голицыну были даны огромные полномочия: заверенные его подписью и печатью финансовые документы должны были приниматься в русских портах и таможнях наравне с деньгами. Но Россия была далеко, а союзники не позаботились о приеме русских войск. Положение корпуса было крайне тяжелым. Д.М.Голицын постоянно писал царю о нехватке продовольствия, фуража и денег. Его собственное здоровье пошатнулось. В 1705 г. в Дрездене у него обнаружилась эпилепсия, и он лечился у тамошних врачей.

С перемещением военных действий на Украину в 1707 г. Д.М.Голицын был назначен киевским воеводой (после учреждения губерний – киевским губернатором). Ему приходилось решать не только административные, но и военно-политические задачи: готовить припасы для армии, строить крепости, воевать с приверженцами гетмана Мазепы, подавлять бунт Кондратия Булавина на Дону (восстание распространилось и на подведомственные ему территории). Голицыну было поручено проследить за маршрутом шведского короля Карла XII после бегства его из-под Полтавы и при удобном случае захватить его, но королю удалось скрыться в Турции.

Киев тогда был одним из крупнейших центров богословия и книгопечатания. Д.М.Голицын покровительствовал ученому духовенству и студентам-переводчикам из Киевской духовной академии. Экземпляр каждой новой книги, изданной в типографии Лавры, традиционно подносился в дар губернатору. Здесь же можно было приобрести древние рукописи и издания славянских первопечатников. В Киеве было положено начало знаменитой библиотеке Д.М.Голицына, самому ценному ее разделу – древнерусскому.

С 1718 по 1722 г. Д.М.Голицын возглавлял Камер-коллегию, которая ведала государственными доходами. Под его руководством проходила первая ревизия (перепись податного населения). В эти годы он был пожалован чином тайного советника и сенатора, орденом Св. Александра Невского.

Зенит карьеры Д.М.Голицына приходится на царствования Екатерины I и Петра II. В 1725 г. он получает чин действительного тайного советника и орден

«Галера генералиция». Рисунок из книги Марка Мартиновича о судах Средиземного моря

Вид Киева. Гравюра середины XVII в.

Император Петр II.
Гравюра Х.-А. Вортмана
с портрета И.П.Люддена. 1729 г.

времени ни Дмитрий Михайлович, ни его родня не подвергались прямым репрессиям, но их все больше отстраняли от реального государственного управления. Тайный совет был распущен, его место занял Кабинет министров, где ни одному из них места не нашлось. За Д.М.Голицыным осталось звание старейшего сенатора, но оно теперь немного стоило. Кабинет отодвинул Сенат на второй план, князь перестал ходить на его заседания, ссылаясь на болезнь, да и действительно, был тяжело болен подагрой. Наконец, в 1736 г. разразилась катастрофа. По заурядному имущественному спору Голицыных с князьями Кантемирами было начато дело, которое вскоре раздули до невероятных размеров. В ходе следствия в библиотеке князя нашли запрещенные книги Маккиавели и Бокалини. Д.М.Голицын был обвинен в уклонении от службы и одновременно в злоупотреблении служебным положением, оскорблении величества и даже богохульстве. Его приговорили к смертной казни, замененной заключением в Шлиссельбургскую крепость. Сын «верховника» Алексей Дмитриевич был сослан в Кизляр низшим офицером. Пострадал и его племянник Петр Михайлович Голицын.

Св. Андрея Первозванного. Показательно, что за все короткое царствование жены Петра Великого эту награду получили только двое российских вельмож — Д.М.Голицын и А.И. Остерман (остальные — иностранные государи и министры).

В исторических трудах Дмитрия Михайловича Голицына часто именуют «верховником» по главному делу его жизни — участию в Верховном тайном совете, созданном после смерти Петра I. Князья Голицыны и Долгорукие составляли в нем большинство. Д.М.Голицын был его идейным лидером. В 1730 г. Совет по его инициативе попытался ограничить самодержавие своеобразной аристократической конституцией — «Кондициями». Они в обмен на корону были представлены на подпись племяннице царя Петра, вдовствующей герцогине Курляндской Анне Иоанновне. Одновременно Д.М.Голицын разрабатывал проект создания наряду с Сенатом и Верховным тайным советом двухпалатного парламента, в котором было бы представлено не только дворянство, но и купечество. Как известно, «верховников» ждало жестокое поражение: Анна приняла условия в Митаве, но в Москве, собрав достаточное количество своих приверженцев, «разодрала» текст «Кондиций».

Не в интересах новой императрицы было придавать огласке истинные причины ее разрыва с «верховниками». Это привлекло бы всеобщее внимание к их конституционному проекту. Поначалу наказали лишь Долгоруких, а на Голицыных новая императрица затаила гнев. До

Большая императорская корона. Иллюстрация из книги «Описание коронации... Анны Иоанновны», 1730 г.

9 января 1737 г. был издан необыкновенно простран- ный печатный манифест по делу Голицыных, в котором перечислялись все их «вины» перед императрицей. Но как ни старалось правительство Анны Иоанновны отве- сти глаза своих подданных и иностранцев от реальных причин гонения на князя, многословные тирады офи- циального обвинения никого не обманули. Все понима- ли, что он пострадал за свои политические взгляды.

Все движимое и недвижимое имущество трех кня- зей Голицыных было отписано в казну. Было конфис- ковано и село Архангельское, а также богатейшая биб- лиотека «верховника». Д.М.Голицын умер в заточении. Похоронили его там же, в крепости. На надгробной плите еще в начале XIX в. можно было прочесть: «На сем месте погребено тело князя Дмитрия Михайловича Голицына, в лето от рождества Христова 1737 месяца апреля 14 дня, в четверток светлая неделя, поживе от рождения своего 74 года, представился». Однако во всех генеалогиях Голицыных XVIII столетия указывается тот же день, но 1738 год. Надпись на плите заслужи- вает большего доверия, да и страстной четверг прихо- дился на 14 апреля именно в 1737 году.

Собственно, о личности Д.М.Голицына мы знаем очень мало. Чрезвычайно скудные свидетельства мемуа- ристов — либо поверхностные и пристрастные (герцог де Лириа), либо слишком поздние, рассказанные с чужих слов (воспоминания Н.С.Голицына, записанные в сере- дине XIX в. Е.Серчевским) — не позволяют создать его достоверного психологического портрета. Ближайшие родственники «верховника» были так напуганы террором 1730-х годов, что еще долго в личной переписке обходили его имя молчанием. Историки-аристократы называли его «умнейшим человеком своего века» (М.М.Щербатов), историки-либералы видели в нем обиженного Пе- тровскими реформами старомосковского боярина (С.М.Соловьев). Остается ве- рить фактам. Д.М.Голицын всегда был в центре событий своего времени: Север- ная война разгорается в Польше и Саксонии, — он назначается Петром туда;

Императрица Анна Иоанновна.
Гравюра Х.-А. Вортмана
с портрета Л.Каравакка. 1740 г.

Зимний дворец Анны Иоанновны. Рисунок М.И. Махаева. 1750-е гг.

К характеристике Д.М.Голицына:

Петр Великий иногда заходил в дом Д.М.Голицына поутру поговорить с ним о государственных делах. Голицын никого не принимал до тех пор, пока не заканчивал утреннюю молитву. Петр знал об этом и спрашивал домашних князя, кончил ли хозяин молиться. Если нет, то царь терпеливо ждал его в передней.

Что собой представляло Архангельское при «верховнике»? Насколько его облик приблизился к тому, что мы можем видеть сегодня?

Самые ранние сведения — это данные 1-й ревизии, но они касаются только податного населения вотчины. В 1720-х годах «вотчины ближняго стольника и камер коллегии президента князь Дмитрея княж Михайлова сына Голицына в селе Архангельском» всего 9 дворовых, из них двое в преклонном возрасте, один двадцатилетний, остальные — дети и подростки. Все крестьяне записаны по соседней деревне Захарковой, их 69 человек в окладе и 8 неокладных¹ (см. стр. 24). Малолюдство дворни вполне объяснимо: Дмитрий Михайлович в эти годы постоянно живет в Петербурге.

После смерти Екатерины I Д.М.Голицын переселился в Москву, куда переехал молодой император Петр II, весь двор и государственные учреждения. Фактически, на короткое время — с 1727 до 1732 г. — столица вновь оказалась в Москве. Здесь у князя было два двора — на Сретенке в приходе Введенской церкви и в Головленкове переулке в приходе церкви Троицы в Сыромятниках и две подмосковные — Архангельское и Богородское (последнее также досталось ему от Одоевских). Именно этот период, когда Д.М.Голицын жил в Москве и надеялся остаться здесь навсегда, когда он был на вершине своего служебного и имущественного благополучия, — наиболее подходящее время для обустройства его усадеб. После коронации Анны Иоанновны правительство вернулось в Петербург, а с ним в нелюбимую северную столицу отправился и полуопальный вельможа. В первые годы нового царствования он постоянно упоминается в журналах заседаний Сената, потом перестает участвовать в его работе и замыкается в своем петербургском доме на Васильевском острове. Его считают умершим для света, как бы живо погребенным. Но правительству Анны Иоанновны такое добровольное заточение показалось недостаточным и «верховника» забирают из его дома и предают суду.

Суд над Д.М.Голицыным и последующая конфискация его имений лишили нас некоторых сведений об Архангельском, но породили и дополнительный пласт информации. Во время судебного процесса княжескими слугами были сожжены документы вотчинного архива — «деревенские письма», то есть переписка с приказчиками. Если бы они дошли до нас, мы больше бы знали о вну-

Шлиссельбург в XVIII в. Гравюра

У Дмитрия Михайловича Голицына «верховника» было три младших брата. Один из них — Петр Михайлович — прожил недолго и не оставил потомства, другие два (обоих звали Михаилами) были весьма знамениты и имели много детей. Потомки всех трех «Михайловичей» тесно общались между собой и составляли как бы особый клан внутри многочисленного и дружного рода Голицыных. Князь Михаил Михайлович Голицын Старший (1 ноября 1675 — 10 декабря 1730) — второй сын боярина Михаила Андреевича Голицына — начал службу комматным стольником царя Петра Алексеевича и при создании Семеновского полка был записан в него солдатом. Вся дальнейшая его жизнь полностью была отдана армии.

Неизвестный художник конца XVIII в. Портрет князя Михаила Михайловича Голицына Старшего (1675—1730)

Биография этого выдающегося полководца фактически повторяет историю войн петровского времени: он участник всех походов кроме Персидского (1721—1722), когда в отсутствие императора оставался командовать Петербургом. Самые выдающиеся его победы — взятие Шлиссельбурга (1702) и Выборга (1710), разгром корпуса Левенгаупта при Лесной и победа при местечке Добром (1708), участие в Полтавской битве и пленении шведской армии у Переволочны. Он прославился и как флотоводец в сражениях при Гангуте и Гренгаме.

М.М.Голицын был награжден орденом Св. Андрея Первозванного в 1708 г., будучи всего лишь в генерал-майорском чине (случай уникальный), был кавалером ордена Св. Александра Невского. Петр I пожаловал его своим портретом в бриллиантах. Хотя военные успехи М.М.Голицына Старшего приходятся на петровское время, карьерной вершины он достиг при двух последующих государях: Екатерина I произвела его в генерал-фельдмаршалы, Петр II назначил президентом Военной коллегии и членом Верховного тайного совета. Неудача конституционного проекта брата Дмитрия и первые признаки опалы у новой императрицы Анны Иоанновны настолько расстроили М.М.Голицына, что 10 декабря 1730 г. он умер, согласно преданию, «от огорчения».

М.М.Голицын прославился необыкновенной смелостью, а также милосердием к подчиненным и пленным, великодушным отношением даже к личным врагам. Рассказывали такой случай: Петр I в награду за очередную

победу пообещал Голицыну исполнить любую его просьбу; Голицын попросил за А.И. Репнина, бывшего у царя в опале. «Но он недруг твой!» — воскликнул Петр. «Да, но он хороший генерал, а таких мало», — ответил Голицын. Л.Н.Толстой, работая над романом из времен Петра I (роман так и остался в стадии набросков), дал краткие характеристики разным персонажам. «Голицын — рыцарь», — так определил он этот характер. М.М.Голицын Старший был любимым героем русской военной истории и образцом для А.В.Суворова. Суворов считал, что в Голицыне сочетались военный талант и удача. В одном из писем будущий генералиссимус говорит так: «Репнин велик, но не щастлив, Голицын щастлив: избирай Голицына, хотя заикающегося. Смешно это, как он однажды командовал флотом, а Адмирал берёг берег». Здесь Суворов имеет в виду сражение при Гренгаме, в котором Голицын Старший, не имевший мореходного образования, командовал галерами и решил исход битвы, а его брат, будущий адмирал, М.М.Голицын Младший со своим отрядом сидел в засаде на берегу. В письме упомянут и физический недостаток полководца: он заикался. Суворов был женат на Варваре Ивановне Прозоровской, внучатой племяннице петровского фельдмаршала.

Еще более близкими родственными связями с М.М.Голицыным Старшим был связан и другой великий русский военачальник — П.А.Румянцев, женатый на его дочери Екатерине Михайловне. В приданое за княжной Голицыной он получил особняк в Петербурге на Английской набережной. Сын екатерининского полководца и внук петровского — Николай Петрович Румянцев собрал здесь большую коллекцию русских древностей, которая затем была перевезена в Москву и составила основу знаменитого Румянцевского музея (ныне — Российская Государственная библиотека). В петербургском особняке Голицыных—Румянцевых теперь располагается музей города.

Дж. Доу. Портрет канцлера графа Николая Петровича Румянцева. 1828 г.

М.М.Голицын Старший был женат два раза — на Е.И.Бутурлиной и Т.Б.Куракиной. Единственный сын от первого брака — Петр Михайлович при Анне Иоанновне был отправлен (фактически сослан) управлять Нарымским острогом в Сибири. В следующее царствование он был возвращен в Петербург и назначен шталмейстером. Детей он не имел.

тренней жизни имения в 1720—1730-е годы. Но в ходе конфискации были составлены подробнейшие описи всех домов и усадеб Д.М.Голицына. Конфискационной описи Архангельского не найдено, известно только, что для ее составления в подмосковную князя был направлен подпоручик Измайловского полка Циммерман. В 1738 г. усадьбу детально описало дворцовое ведомство, возможно, опираясь и на материалы конфискации. Эта опись до сих пор была известна только со слов историка И.Е.Забелина, который пересказал и частично процитировал ее в своей статье «Оранжереи и сады подмосковных вотчин кн. Дмитрия Михайловича Голицына в 1737 г.»². Забелин взял опись из фонда Дворцовой канцелярии и обратно не вернул, она так и осталась храниться в его личном архиве³.

Статья Забелина долгое время была единственным источником сведений не только о садово-парковом хозяйстве Архангельского первой половины XVIII в., но и об усадьбе вообще. Между тем историк допустил в своем пересказе ряд неточностей, поэтому лучше обратиться к самому документу.

Согласно описи, в 1738 г. в селе Архангельском «бывшего князя Голицына» имеется церковь Архангела Михаила с приделами Усекновения главы Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, два жилых комплекса, два сада и две оранжереи. Описание начинается с церкви. В ее убранстве обращают на себя внимание несколько икон, обозначенных как «штилистовые» (то есть штилистовые), часть из них — чеканные, часть — «писаны на красках». Материал не указан, но, скорее всего, речь идет о медных иконах. При дороговизне цветных металлов в начале XVIII в., такие иконы представляли немалую ценность и были крайне редки. Иконы эти и в самой церкви и в приделах находились не в иконостасах, а висели по стенам. При главном престоле — двенадцать таких икон, в приделах — по девять.

Медные иконы, судя по всему, голицынского времени. Об этом можно догадаться по изображенным на них святым. Образ Иоакима и Анны, упомянутый среди «штилистовых» икон главной церкви, видимо, связан с женой Д.М.Голицына Анной Яковлевной Одоевской, чеканная икона трех святителей Московских: Петра, Алексея, Ионы и образ Алексея Митрополита — с его младшим сыном Алексеем Дмитриевичем. В приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи среди прочих указаны образы Сергия Чудотворца и великомученицы Агриппины, небесных покровителей жены Алексея Дмитриевича Голицына Аграфены Васильевны и его брата Сергея.

Несомненно, патрональным был и иконостас придела Николая Чудотворца: здесь имелись образы благоверного Дмитрия и Алексея Митрополита Московского и еще один образ Алексея Митрополита среди «штилистовых», расположенных по стенам.

Церковные ткани и священнические облачения (несколько комплектов) — парчовые, атласные, камчатые, китайчатые, тафтяные. «При одной же церкви, — сказано в конце описания, — три колокола. Один весом пять пуд тритцать фунтов, другой два пуда дватцать два фунта, третьей дватцать пять фунтов».

Ф.Я. Алексеев. Улица Сретенка и Сухарева башня. Начало XIX века.

Церковь Архангела Михаила в Архангельском. 1660-е гг. – начало XIX в.

Непосредственно вслед за церковью описаны старые хоромы, видимо, еще времени Одоевских. Можно предположить, что они и находились рядом с церковью. О них сказано: «В том же селе Архангелском дворец, в нем деревянно-го строения огорожено забором и решеткою ветхой, двои ворота створчатые на петях при них три колитки на петях же. На том дворце три светлицы». Комнаты этого «дворца» довольно маленькие: первая в два окна, вторая в четыре окна, третья в пять. Окна в свинцовых переплетах, два — в ветхих деревянных; печи «обращатые», то есть изразцовые. Многие части этого строения отмечены как ветхие, некоторые окна разбиты, мебели немного, часть ее тоже ветхая или изломанная. При доме баня, два чулана и три нужника.

Дворовые постройки составляют «приворотняя изба» (сторожка), поварня, коптильня, пустой колясочный сарай, погреб, ледник и большой амбар. В амбаре стоит «коляска садовая малая о дву колесах, колеса кованы, в ней обито трипом красным, подушка триповая красная шита золотом, попона суконная красная» и к ней два ветхих колесных стана. Эта коляска — почти единственное вещественное свидетельство пребывания в усадьбе хозяина. По богатству своего убранства она не может принадлежать никому другому. В ней барин объезжал свой сад.

На том же дворе указаны три житницы, в них десять закромов. В этих же житницах свален разный кузнечный инструмент. В старом сарае между житницами — заготовленные стройматериалы (брус и гонт) и сорок новых колес к садовым тележкам.

«При том же дворе две оранжереи», — гласит далее опись. В одной из них лежат разные садовые инструменты и 150 пустых глиняных горшков. В оранжереях 36 окон, три печи и восемь дверей. Одна оранжерея крыта тесом, другая гонтом, «и в тех оранжереях зимуют всякия заморския деревья и травы». При оранжереях находился «малый огородец» с грядками душистых трав и цветов и сад размером 61 на 52 сажени, огороженный наполовину забором, наполовину плетнем, с плодовыми и декоративными деревьями и цветами. В саду стояло две колоды с пчелами, а «посреди того саду деревянной резной статуей»⁴.

Далее «в том же селе» описан еще один комплекс хозяйственных построек. Это скотный двор и рядом жилые помещения (видимо, для скотников), конюшня и ткацкая светлица с пятью станами: один скатертный, другой «переборной свинцом», третий «подноженной», четвертый полотняный и «пятой скатертной же простой без струменту». Здесь же две ветряные мельницы — пыльная «с надлежащими припасы и инструментами» и «крупеная ветхая ис которой перенесены инструмент в прошедшем 737 году в сентябре месяце в том же селе Архангелском на воденую мельницу», гумно, овин солодовый, солодовня, молотильный амбар и пивоварня.

Заметный след в истории оставили двое сыновей М.М.Голицына Старшего от второго брака — Александр и Дмитрий.

Александр Михайлович Голицын (1718—1783) начал службу при дворе великой княгини Екатерины Алексеевны (будущей императрицы Екатерины II). Слишком большая преданность его своей патронессе вызвала недовольство императрицы Елизаветы, он был удален от двора и отправлен с дипломатической миссией в Гамбург.

На дипломатическом поприще А.М.Голицын ничем особенно себя не проявил, зато в Семилетнюю войну он показал себя талантливым полководцем и достойным наследником ратной славы своего отца. Он был щедро вознагражден Екатериной по вступлении ее на престол: получил чин генерал-аншефа и орден Св. Андрея Первозванного. В первую войну с Турцией А.М.Голицына поставили во главе действующей армии. На его долю пришелся самый тяжелый, начальный этап войны. Прошел год, а повода для победных реляций все не было. В Петербурге ходили разговоры, что нерешительность командующего причиной тому, что до сих пор не одержано ни одной громкой победы. Екатерина решила отозвать Голицына и назначить на его место Румянцева. В 1769 г. под занавес своего пребывания на театре военных действий А.М.Голицын взял крепость Хотин и вернулся в Петербург победителем и фельдмаршалом.

Фельдмаршал А.М. Голицын (1718–1783) на гравюре Д. Ходовецкого «Дело при Хотине 18 сентября 1769 года»

В 1770-х годах он — главнокомандующий столицы, сенатор и генерал-адъютант. Тогда же ему пришлось выполнять весьма ответственное и строго секретное задание императрицы: вести допросы пойманной в Италии самозванки, вошедшей в историю под именем княжны Таракановой. Голицын проявил не только преданность Екатерине, но и сострадание к государственной преступнице, просил императрицу об облегчении условий ее содержания.

По характеру А.М.Голицын был человеком тихим, и только под воздействием винных паров становился задирой. Образование его имело некоторые изъяны: так, он до конца жизни не выучил французского языка. Он был женат на статс-даме Д.А.Гагариной, детей не имел.

Его брат — Дмитрий Михайлович Голицын (1721—1793) — выбрал карьеру дипломата. В 1761 г. он был назначен послом в Вену. Этот город ему так понравился, что он прожил здесь 31 год, до конца своей жизни. С императрицей Марией-Терезией он мог считаться даже некоторым свойством: его мать Татьяна Борисовна Куракина приходилась двоюродной сестрой императору Петру II, мать которого принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская была родной теткой австрийской императрицы. Безукоризненные манеры настоящего

Ф.-Ю. Друз. Портрет князя Дмитрия Михайловича Голицына (1721—1793)

вельможи, художественный вкус и познания в юриспруденции снискали Д.М.Голицыну уважение всего венского общества. Он собрал большую коллекцию произведений искусства, которую некому было наследовать. Брак Д.М.Голицына с княжной Екатериной (Смарагдой) Дмитриевной Кантемир остался бездетным, и он завещал свое состояние на постройку больницы в Москве, при которой в специальном флигеле предполагалось разместить для публичного обозрения и его художественное собрание.

Таким образом, три сына М.М.Голицына Старшего — шталмейстер, фельдмаршал и венский посол — умерли бездетными. Четвертый — гофмаршал Николай Михайлович — продлил эту генеалогическую линию только на одно поколение. Его единственный сын Александр, который в свете приобрел прозвище «соза гара» (редкая вещь), отличался почти патологической расточительностью. Он расстроил свое состояние, и жена вынуждена была развестись с ним. Детей у них не было.

Трех сыновей имел младший сын петровского полководца — Андрей Михайлович от брака с Елизаветой Борисовной Юсуповой. Супруги умерли почти одновременно в 1770 году. Заботу об их детях взяли на себя ближайшие родственники, в том числе будущий владелец Архангельского Николай Борисович Юсупов. Трое этих внуков петровского фельдмаршала дали многочисленное потомство. Их родовым гнездом было большое село Симы в Юрьевском уезде Владимирской губернии, когда-то пожалованное Петром I Голицыну Старшему за победу при Лесной.

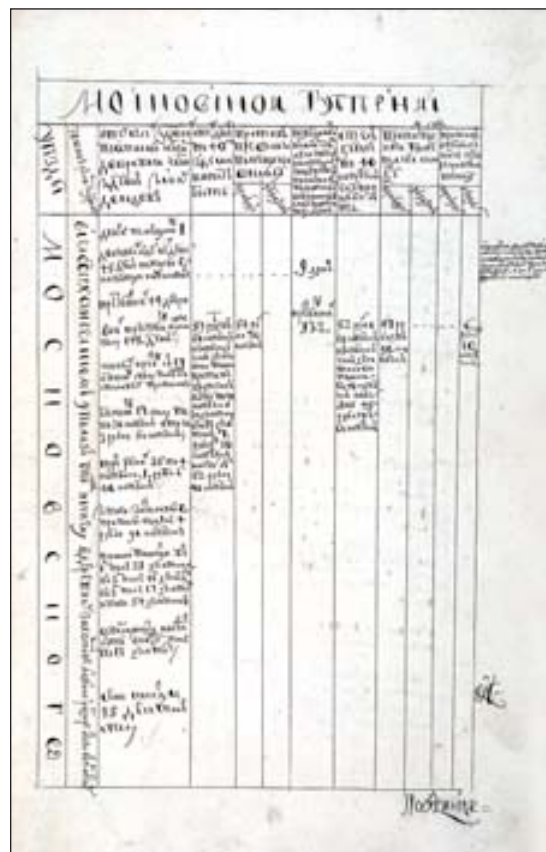
Новый дом помещика с регулярным садом описан отдельно: «В том же селе вновь построены хоромы из брусчатого соснового лесу. В них тринадцать покоев, в том числе посреди их сало и во оном сале под комель зделан фундамент кирпичной. В них полы и потолки дощатые, дватцать три окна, в них окончины стеклянные в переплете деревянном дубовом. С лица наличники прибиты, свех окшешек корнизное полукружие, в них прибиты раковины сосновые. В тех покоях восемь печей обращатые, в том числе две печи китайской работы, четыре простых желтые. У тех печей восемь затворок железные на крючках. Да в оные покои приготовлено панелей столярной работы дубовых дватцать девять штук, липовых четырнатцать, сосновых десять штук, дверей створчатых дубовых четыре пары, липовых пять пар, сосновых двенатцать пар. Столярныя ж шпалер живописных писаны по холсту разными красками на семи штуках. Да в них же двои сени проходные, в сенях два нужника, из сеней наверх лесница дощатая. Перед хоромами рундук рубленой круглой, сход на одну сторону. Оные хоромы покрыты тесом». Вслед за домом описана водяная мельница на речке Горетенке «о дву поставках хлебная с надлежащим инструментом... которым делаетца яшная крупа».

Хотя в описи точно не сказано, в какой части усадьбы находится новый дом, по более поздним документам известно, что он был построен Д.М.Голицыным примерно на том месте, где потом его внук возвел свой дворец.

Напротив нового дома в 1738 г. уже был разбит сад размером 190 на 150 сажений с перспективными дорогами, обсаженными кленом, липой и штабмовым деревом, и двумя партерами («около дву партир обсажено балбарисом»). Начата постройка садовой ограды: «Круг того саду поставлены столбы и зачато городить решеткою из пильных брусков пятьдесят три звена, пильными ж досками семьдесят два звена»⁵.

Обитателями Архангельского на момент конфискации были: приказчик с семьей, 2 садовника, 4 садовых ученика, 4 ткача с семьями, 2 скотника с семьями, 4 конюха с семьями, 3 мельника с семьями, водовоз, сторож, 1 солдатка с детьми и трое сирот бывшего садовника Алексея Григорьева. Всего 44 души мужского пола⁶. Заметен приток в Архангельское из других вотчин слуг, обладающих профессиональными навыками. Среди дворовых только садовый ученик Иван Григорьев, ткач Иван Каменок, мельники Козьма Харитонов и Иван Бухвалов — местные, остальные вывезены из других имений, или из имений других владельцев в обмен на рекрутов. Приказчик Василий Степанов выменян у князя Владимира Долгорукого, садовник Федор Тяжелов — «Бежецкого уезду села Сулеги церковного дьячка сын», садовый ученик Емельян Петров — садовничий сын из голицынского Богородского, садовник Савва Половнев — из церковных дьячков⁷.

При всем том Богородское на Пахре почти по всем параметрам продолжало превосходить Архангельское: здесь был двухэтажный каменный дом, сад, обнесенный каменной оградой с воротами, украшенными каменными статуями, две каменные мельницы (бумажная и мучная) и одна ветряная, пасека. Но дворовых людей в Архангельском уже было больше.

Ведомость о селе Архангельском. 1738 г.

Таким образом, именно при Д.М.Голицыне в общих чертах сложилась та планировка усадебного ансамбля, которая дошла до наших дней. В соответствии со вкусами нового времени «верховник» перенес центр усадьбы на высокое, доминирующее место и разбил перед ним регулярный парк с партерами и перспективами. Однако к моменту конфискации усадьба не была достроена, она находилась в стадии становления. Насколько продолжительными были наезды сюда хозяина после его удаления от большой политики, неизвестно. В деревню Голицына никто не ссылал (в аннинское время если ссылали, то в более отдаленные места). Привычный образ дворянской усадьбы, в которой «книгохранилище, кумиры, и картины, и стройные сады» призваны украшать досуг отошедшего от дел вельможи — из другой эпохи, куда менее суровой. Возможно, Д.М.Голицын, как человек передовой, сумел бы устроить свою вынужденную праздность в соответствии с идеалом века Просвещения. Возможно, его усадьба могла бы стать образцом раннего усадебного строительства, но разразившаяся под занавес аннинского царствования катастрофа унесла с собой все эти надежды.

Конфискация в целом отрицательно сказалась на усадебном хозяйстве. Из Архангельского были вывезены и розданы другим владельцам почти все квалифицированные слуги, в частности, садовники. Главному садовнику Федору Тяжелову предписали «быть в доме действительного тайного советника... Андрея Ивановича Остермана», садовнику Савве Половневу — в доме С.А.Салтыкова⁸.

Четыре года Архангельское было в дворцовом ведомстве, пока в 1741 г., с переменной политической конъюнктуры, оно не вернулось к младшему сыну «верховника» князю Алексею Дмитриевичу Голицыну.

Важнейшей частью имущества, конфискованного у Д.М.Голицына, была его библиотека. Известный историк, современник и политический оппонент «верховника» В.Н.Татищев называл ее «лучшей русской библиотекой». При создании своей «Истории Российской» он ею пользовался и хорошо знал ее. Здесь были редчайшие списки русских летописей и судебныхников, издания первопечатников, документы по внешней политике России, собственноручные

письма царей из фамильного архива Голицыных и их родственников. Чрезвычайно богатым было собрание книг XVI — начала XVIII вв. на иностранных языках, особенно на французском. Библиотека имела четко выраженную гуманитарную направленность: преобладали книги по истории, политике и юриспруденции. Она была не модным предметом обстановки, не причудой праздного коллекционера, а лабораторией действующего политика.

Нет никаких данных о пребывании библиотеки в первой половине XVIII века в Архангельском. Но поскольку во второй половине века она оказалась здесь, и на книги был наклеен экслибрис «Ex Bibliotheca Arcangelina», ее часто именуют «Архангельской библиотекой Д.М.Голицына»⁹.

Опись библиотеки князя Д.М. Голицына (книги на латинском языке). 1738 г.

Князь Петр Михайлович Голицын (11 июня 1682—21 января 1723) — третий сын боярина Михаила Андреевича Голицына — генерал-лейтенант армии, подполковник лейб-гвардии Преображенского полка, кавалер ордена Александра Невского. О нем мало что известно: участвовал в Северной войне, командовал войсками в Польше; по свидетельству голицынского родословия XVIII века, «снискал уважение императора, который удостоивал его особого доверия вплоть до его смерти за отменную честность и неподкупность». П.М. Голицын был женат на княжне Федосье Владимировне Долгорукой, умер бездетным сорока лет от роду.

Неизвестный художник 1-й половины XVIII в. Портрет князя Петра Михайловича Голицына (1682—1722)

Четвертый сын боярина Михаила Андреевича — Михаил Михайлович Голицын Младший (1 ноября 1685—23 мая 1764) прожил долгую жизнь и достиг наивысших почестей. Молодые годы его прошли в Голландии и Англии, где он учился морскому делу. Ремесло это он ненавидел и без конца слал в Россию просьбы заменить морскую службу любой другой, однако, по воле царя вынужден был окончить курс и участвовал в нескольких морских сражениях. В следующее десятилетие его судьба повторяет судьбу других представителей рода, хотя в ней нет ни слишком больших взлетов, ни слишком страшных катастроф. При императоре Петре II он — сенатор и член Верховного

К.-Л. Христинек Портрет князя Михаила Михайловича Голицына Младшего (1685—1764)

тайного совета, при Анне Иоанновне — президент Юстиц-коллегии, кригс-комиссар по армии и флоту, член Адмиралтейства. В 1736 г. он оказался невольным приставом в суде над братом Дмитрием Михайловичем: должен был доставлять разбитого параличом «верховника» из дома на допросы. Этой обязанностью Михаил Михайлович крайне тяготился и боялся самому быть втянутым в процесс. С приходом к власти императрицы Елизаветы Петровны карьера М.М.Голицына неуклонно идет вверх. Поистине «золотой» стала для него вторая половина елизаветинского царствования. В 1750 г. он был назначен президентом Адмиралтейства, а в 1756 г. возведен в ранг генерал-адмирала, равный по «Табели о рангах» фельдмаршалу, но гораздо более редкий и почетный. Своим карьерным взлетом он во многом был обязан браку с родственницей императрицы — Татьяной Кирилловной Нарышкиной.

При Петре III М.М.Голицын был лишен всех должностей и восстановлен в них только Екатериной II. В 1763 г. за преклонность лет он вышел в отставку. Генерал-адмиральский чин перешел к цесаревичу Павлу Петровичу. Екатерина II, стараясь подчеркнуть свое расположение к старому вельможе, сохранила за ним полное жалование и все знаки почета. На следующий год он умер «среди своих детей, своей семьи и своих друзей... одинаково оплакиваемый теми и другими». М.М.Голицын служил 60 лет при семи государях. Куда менее одаренный, чем его братья, он, однако, сделал самую блестящую карьеру из всех «Михайловичей» и оставил многочисленное потомство (пять сыновей и три дочери). Двое сыновей М.М.Голицына Младшего — Сергей и Дмитрий — не оставили наследников. Младший сын Петр — георгиевский кавалер, усмиритель Пугачева — был убит на дуэли в 1775 году. Его линия пресеклась в следующем поколении.

Наиболее известен в истории старший сын адмирала — вице-канцлер Александр Михайлович Голицын (1723—1807). С молодых лет он был участником, а потом и главой дипломатических миссий в Голландии, Франции, Англии, к концу елизаветинского царствования имел ранг полномочного министра (посла) и камергера. Покровитель А.М.Голицына канцлер М.И.Воронцов добился у Петра III его

Неизвестный художник.
Портрет князя Александра Михайловича Голицына (1723—1807)

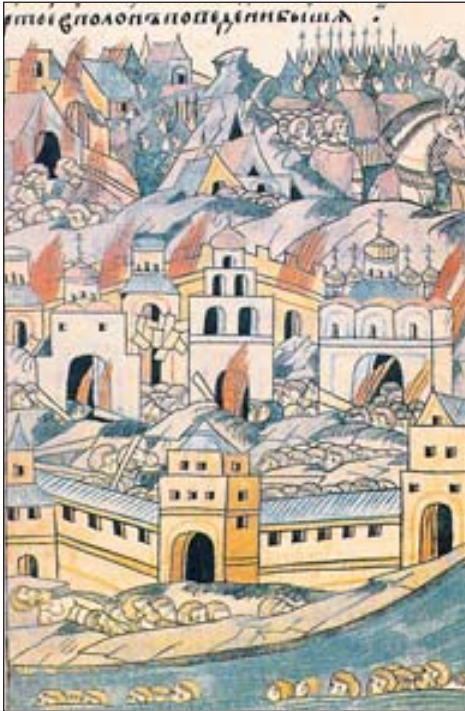

Страница рукописной книги «Перло многоценное» из библиотеки князя Д.М. Голицына с владельческой записью. Киев. Конец XVII в.

Библиотека Д.М.Голицына являлась крупнейшим книжным собранием тогдашней России. Впрочем, об ее размерах в 1737 г. теперь можно только догадываться. Сам Д.М.Голицын во время допросов не смог вспомнить точное число своих книг; в правительственном указе московскому губернатору их предполагается около шести тысяч; при составлении описи не было обнаружено и половины этого количества. Такая разногласия данных питает не доказанную и не опровергнутую до сих пор версию о расхищении библиотеки при конфискации. Вот свидетельство того же Татищева: «У сего весьма любопытного министра многое число таких древних книг собрано было, ис которых при описке растасчено, да и после я по описи многих не нашел и уведал, что лучшие герцог Курлянский и другие расхитили»¹⁰. Как видим, историк выделяет два этапа расхищения библиотеки: при составлении описи и после того, как библиотека была описана и поступила в распоряжение казны.

Знакомство с архивными документами не проясняет вопроса до конца. И все-таки подозрение, что немалая часть книг при конфискации перекочевала в чужие шкафы, остается. Сам ход описания библиотеки вызывает недоумение. Библиотека находится в Москве, в доме Д.М.Голицына на Сретенке. Сначала она якобы описывается ускоренными темпами в течение трех-четырёх месяцев переводчиками коллегии иностранных дел Иваном Волковым и Иваном Меркурьевым, но эти описи, которые никто не видел, значатся сгоревшими во время большого московского пожара 29 мая 1737 года. Книги находились в каменном погребе, потому и не сгорели. Количество их московские чиновники даже приблизительно не называют (это странно, учитывая, что библиотека уже описана до пожара), только пишут, что «оных книг многое число, а именно з дватцать сундуков и болши»¹¹. Вторичное описание библиотеки теми же лицами растягивается почти на два года. Только к весне 1739 г. описаны книги на русском (336 гражданских и 346 церковных), латинском (447), французском (994) и итальянском (131) языках. Для описания немецких книг не нашлось переводчика. Три сундука книг на голландском, английском, польском и других языках было решено передать на счет (их потом оказалось 163 тома). До самого последнего момента в отчетах из Москвы не указывается никакое, даже примерное, общее число имеющихся книг. Итак, анализ документов показывает, что книги могли быть расхищены в Москве, как до большого пожара, так и после, пока никто не знал точно их общего числа.

До пожара описанием библиотеки и московских домов князя руководил лейб-гвардии поручик Иван Боборыкин. После пожара он устранился от описания книг и предоставил только описи домов. Составлением послепожарных описей руководил отставной армейский майор, ассессор Московской конторы конфискации Александр Потемкин. Сразу после завершения описи библиотеки «верховника» он уволился по болезни, а в 1742 г. получил полную отставку, после чего

Миниатура из Лицевого летописного свода XVI в. (том IV «Голицынский»)

удалился в свое смоленское имение Чижово. В сентябре 1739 г. у него родился единственный сын Григорий — будущий светлейший князь Таврический. И вот что увидел один путешественник, заехав в конце XVIII века в село, где прошло детство и отрочество Г.А.Потемкина. «Управитель указал мне на старинный шкаф, — пишет он, — и первая попавшаяся мне книга была «Слово о священстве» Иоанна Златоуста». На книгах по древней и новой истории, особенно там, где речь шла о знаменитых полководцах, гость увидел пометы юноги Григория Потемкина¹².

Остается только удивляться, что у Александра Потемкина — провинциального помещика с имением в 300 душ крестьян, права на которых были запутаны и оспаривались соседями, оказалось солидное книжное собрание. В первой половине XVIII столетия это было редкостью даже в домах столичных вельмож. Зато получают объяснение некоторые не вполне стандартные увлечения и «зигзаги» первоначальной карьеры князя Таврического (Смоленская семинария, Московский университет, богословские упражнения и намерение уйти в монастырь, служба помощником обер-прокурора Синода в 1760-х годах). Домашнее чтение могло повлиять на формирование у дворянского недоросля таких своеобразных пристрастий.

Если имело место расхищение библиотеки еще на стадии описания, то мы уже никогда не узнаем первоначального количества составляющих ее книг и того, насколько нереальной была цифра, названная в правительственном указе: шесть тысяч. Не все осталось в целости и из того, что доехало до Петербурга. Здесь Канцелярия конфискации получила 2393 тома, причем судьба церковных книг неясна: то ли большая их часть осталась в Москве, то ли их передали прямо в Синод особым списком и они разошлись по храмам (по документам Синода выявлено всего 34 книги). Также неясно, сколько было книг на немецком языке (предположительно 348), с их учетом численность конфискованной библиотеки определяется в 2765 томов¹³. Даже эта цифра (а она вряд ли вполне отражает реальность) позволяет рассматривать библиотеку Д.М.Голицына как самое крупное личное книжное собрание России первой четверти XVIII века.

Блез де Вижнер. «Польские хроники и анналы». Париж. 1573 г. Книга из Голицынской библиотеки

В Петербурге началось распределение книг между разными ведомствами. Книги отбирали для себя Герольдмейстерская контора, Кабинет министров, часть отдали в Коллегию иностранных дел для перевода, но оттуда не вернули. Академия наук выбрала для себя 283 тома и составила на них опись, но ей ничего не дали. Свести все эти цифры невозможно, потому что не было единого распорядителя всей библиотеки от начала до конца ее конфискации. Конечным пунктом, где были собраны книги «верховника», не разошедшиеся по разным учреждениям, был Петропавловский собор. В 1740 г. здесь оказалось 1915 иностран-

производства в действительные камергеры, тайные советники и кавалеры ордена Св. Александра Невского, а также назначения вице-канцлером — вторым человеком во внешнеполитическом ведомстве России. Все это поставило А.М.Голицына в весьма щекотливое положение при воцарении Екатерины II. Но гонений не последовало. Он получал новые чины и ордена. Был оставлен за ним и чин вице-канцлера (канцлером при Екатерине II никто не назначался). Реально внешнюю политику А.М.Голицын не возглавлял из-за первенства Н.И.Панина в Коллегии иностранных дел. Перемены при дворе в середине 1770-х годов заставили его покинуть дипломатическую службу. Он поселился в Москве и в необременительном чине обер-камергера провел здесь последние тридцать лет жизни. После смерти своего двоюродного брата, венского посла Дмитрия Михайловича Голицына, А.М.Голицын в качестве душеприказчика должен был осуществить его предсмертную волю — построить в Москве больницу, чем и вынужден был заняться в уже весьма преклонном возрасте. Голицынская больница была построена у Калужской заставы и открыта в 1801 году. Здание ее (ныне в нем находится 1-я градская больница им. Н.И.Пирогова) — выдающееся произведение архитектора Матвея Казакова, один из лучших образцов русского классицизма. При больнице был создан музей из художественных собраний «венского» Голицына и самого вице-канцлера — первый публичный художественный музей в России. Официально он был открыт в 1810 г., но к этому времени уже как минимум пять лет был доступен для посетителей. Условия осмотра и копирования произведений искусства здесь были весьма демократичными. Допускались все сословия, «кроме крестьян в лапти обутых, совсем не понимающих изящности искусства».

Вид на Голицынскую больницу от Москвы-реки. 1825 г.

Другой двоюродный брат вице-канцлера — Алексей Дмитриевич Голицын перед смертью завещал ему (наряду с другими ближайшими родственниками) опеку над своим единственным сыном Николаем. Александр Михайлович как опытный администратор распределил обязанности между опекунами и в целом руководил воспитанием двоюродного племянника.

У вице-канцлера были и собственные дети, но рожденные вне брака. В молодости, за границей он вступил в связь с баронессой фон Кляуфель, на которой по каким-то соображениям не решался жениться. В России она постоянно жила в доме князя, а их дети в качестве «воспитанников» получили дворянство и фамилию де Лицыных.

Средний сын и полный тезка генерал-адмирала Михаил Михайлович Голицын (1731 — 1806) по службе достиг сравнительно невысокого чина генерал-поручика и действительного камергера. Женился в 1757 г. на одной из богатейших невест России баронессе Анне Александровне Строгановой заставила М.М.Голицына покинуть службу, поселиться в Москве, посвятить себя управлению обширными имениями (в числе которых было подмосковное село Кузьминки) и заводами. Он имел множество детей, из которых взрослого возраста достигли три сына и пять дочерей.

И. Барду. Портрет князя Михаила Михайловича Голицына (1731—1806), 1786 г.

Наибольшей известностью пользовался третий сын М.М.Голицына Сергей Михайлович (1774 — 1859) — крупный чиновник и московский барин, попечитель и главный директор Голицынской больницы. Не к чести его послужило то, что он распродал художественную коллекцию, хранившуюся при больнице. В 1817 г. через аукцион было продано 323 произведения искусства (часть купил Н.Б. Юсупов), остальные в 1819 г. были разыграны в лотерею, часть коллекция С.М.Голицын оставил себе. Музей при Голицынской больнице прекратил свое существование, за это Сергея Михайловича порицали в обществе. Его брак со светской львицей Е.И. Измайловой (по прозвищу «La princesse Nocturne») остался бездетным. Племянники князя Михаил и Федор Александровичи оба перешли в католичество и умерли за границей, причем, Федор — лишенный всех прав состояния.

Михаил Александрович Голицын в 1865 г. возродил Голицынский музей в новом качестве и на новом месте (в особняке своего деда на Волхонке). Здесь были выставлены остатки коллекций «венского» Голицына и вице-канцлера, а также несколько голицынских собраний XIX века. Музей просуществовал двадцать лет и закрылся из-за финансовых трудностей. Его коллекция была частично приобретена Эрмитажем. Сейчас в особняке Голицыных на Волхонке располагается экспозиция Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

У Михаила Александровича был один сын, за ним осталось попечительство над Голицынской больницей. Таким образом, весьма многочисленное потомство генерал-адмирала М.М. Голицына Младшего к концу XIX века сократилось до одной линии.

ранних и 281 русская книга. После снятия опалы с Голицыных наследник Д.М.Голицына вернул себе именно эту часть библиотеки, да еще 8 церковных книг из канцелярии Синода (о возвращении других книг известий нет). Это почти на 200 единиц меньше того, что было привезено в Петербург весной 1739 г. (2393 тома). Особенно сильно заметно сокращение числа русских книг: оно не покрывает не только их общего количества, но и значительно меньше одних только гражданских изданий и рукописей. Таким образом, собрание Д.М.Голицына и в Петербурге сократилось сравнительно с тем, что было внесено московскими чиновниками в описи.

При оценке размеров и характера Голицынской библиотеки нужно учитывать, что часть книг находилась у сына «верховника» Сергея и не была в конфискации.

Сергей Дмитриевич Голицын (1696—1 июля 1738) — старший сын Д.М.Голицына большую часть своей жизни провел за границей. С десятилетнего возраста он обучался в Европе, овладел несколькими европейскими языками (греческим, латынью, немецким, голландским, английским, французским, испанским, итальянским). Есть известие о его пребывании в 1710 г. в Вольфенбютеле, где тогда находилась одна из крупнейших европейских библиотек.

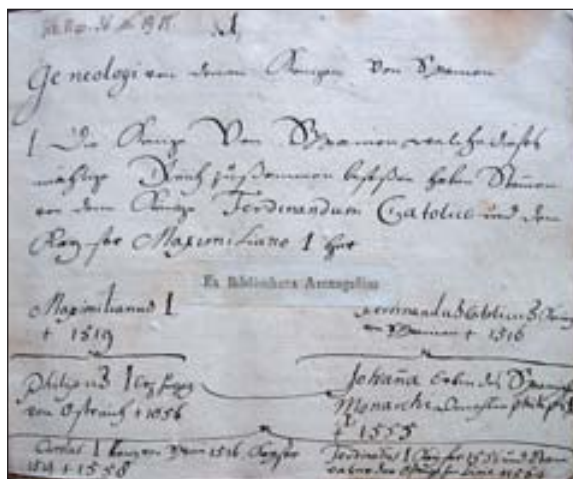
В конце петровского царствования Сергей Дмитриевич был назначен чрезвычайным послом в Испании. Свои соображения по поводу перспектив развития российской торговли в Европе он изложил в сочинении «Ведение о торговле Российской, в Мадрите 1 сентября 1724»¹⁴. Это вполне оригинальное исследование с обильными ссылками на русские и иностранные исторические источники и законодательные акты.

Как и у других представителей рода Голицыных, пик карьерных успехов Сергея Дмитриевича пришелся на царствование Петра II. В это время он произведен в камергеры, кавалеры ордена Св. Александра Невского, тайные советники. При Анне Иоанновне его отзывают из Европы (он тогда был послом в Берлине), сначала назначают президентом Камер-коллегии, потом отправляют в Персию.

С.Д.Голицын был человеком весьма образованным и энергичным. Неблагоприятная политическая ситуация 1730-х годов и ранняя смерть помешали в полной мере раскрыться его дарованиям. Из того немногого, что о нем известно, можно заключить, что он в полной мере унаследовал широту умственных интересов своего отца. Сергея Дмитриевича по праву можно назвать одним из создателей знаменитой библиотеки «верховника». Его дипломатическая служба вплоть до 1731 г. была главным источником пополнения отцовской коллекции зарубежными изданиями. В 1722 г. С.Д. Голицыным

Неизвестный художник первой половины XVIII в. Портрет князя Сергея Дмитриевича Голицына (1696—1738)

Рукопись С.Д. Голицына с генеалогией европейских правящих домов. 1714 г.

была составлена первая опись иностранных книг голицынского собрания «Catalogo bibliotheca Golitzina»¹⁵.

Как и отец, Сергей Дмитриевич не принадлежал к разряду коллекционеров, для которых собрание остается мертвым капиталом. На материале фамильной коллекции русских летописей и хронографов он начал писать сочинение по древнерусской истории¹⁶. Хронологически оно охватывает период с первых веков новой эры (описываются народы, населявшие Восточную Европу накануне образования империи Рюриковичей) до распада Киевской Руси. Далее следует небольшой сюжет из времен Ивана Грозного (присоединение Сибири). К сожалению, сочинение осталось в стадии черновика, но даже этот набросок показывает недилетантский подход Голицына к историческому исследованию. Он следует татищевскому принципу систематизации материала: наряду с текстом основной летописи оставляет место для примечаний, дополнительных известий из других источников.

В конце аннинского царствования, когда остальных Голицыных постигла жестокая опала, Сергея Дмитриевича тоже сочли нужным удалить из столицы и в 1736 г. назначили губернатором в Казань. По соседству, в Самаре, жил В.Н. Татищев, который возглавлял Оренбургскую канцелярию. Он навещал казанского губернатора и получил «от любомудрого и хвалы достойного» князя ряд редких исторических документов из его личного собрания. В свою очередь Татищев давал Голицыну для копирования старинные летописи, которые обнаруживал в ходе своих экспедиций по Уралу. До лучших времен С.Д.Голицын не дожил. Первого июля 1738 г. во время охоты в окрестностях Казани он был убит ударом молнии. Его брак с Прасковьей Ивановной Нарышкиной (?–1723) остался бездетным, вторично он женат не был. Имущество С.Д.Голицына, в том числе и часть голицынской библиотеки, перешли к сестре – Анастасии Дмитриевне, в замужестве княгине Кантемир.

Анастасия Дмитриевна (15 октября 1698–апрель 1746) – единственная дочь «верховника» 24 мая 1727 г. была выдана замуж за князя Константина Дмитриевича Кантемира, одного из сыновей молдавского господаря Дмитрия Кантемира, перешедшего в 1711 г. под власть Петра I. Д.М.Голицын, пользуясь своим влиянием на императора Петра II, добился, чтобы его зять был признан наследником майората Кантемиров (завещание господаря было составлено весьма неопределенно и допускало разные толкования). Но ни блестящее родство, ни богатство не принесло Анастасии Дмитриевне счастья. Она и ее муж умерли, не оставив детей, и при весьма странных обстоятельствах. Было подозрение на их отравление слугами, может быть, по наущению каких-то заинтересованных в получении наследства лиц¹⁷.

Письма сыновей Д.М. Голицыну. 6 января 1737 г.

Роспись приданого княжны Анастасии Дмитриевны Голицыной, в замужестве Кантемир. 24 мая 1727 г.

Портрет князя Алексея Дмитриевича Голицына (1697–1768). Гравюра А. Радига

Младший сын «верховника» Алексей Дмитриевич Голицын (15/16 августа 1697 – 29 января 1768) начал службу камергером невесты Петра II, княжны М.А. Меншиковой. В 1728 г. он был назначен флигель-адъютантом к своему дяде, фельдмаршалу кн. М.М.Голицыну, вскоре получил чин действительного статского советника. Анна Иоанновна в начале своего царствования сделала его судьей Московского судного приказа, – должность незавидная, в стороне от столицы и двора. В 1737 г. А.Д.Голицын пострадал одновременно со своим отцом. Высший суд обвинил его в злоупотреблении служебным положением. По именному указу от 9 января 1737 г. А.Д.Голицын был лишен чинов, имений и под караулом отправлен прапорщиком в Кизляр.

Первый брак А.Д.Голицына с княжной Ириной Андреевной Хилковой был непродолжителен и бездетен. С 1726 г. он был женат на Аграфене Васильевне Салтыковой (1709–1762), дочери генерал-аншефа и генерал-адъютанта Василия Федоровича Салтыкова, родственника императрицы Анны. Салтыков был членом Высшего суда над Голицыными и подписал смертный приговор «верховнику», – зятя своего он ненавидел. Ему удалось спасти от конфискации имения своей дочери, а ей самой был предоставлен выбор: следовать за мужем в ссылку, или остаться (она последовала за мужем).

Правительница Анна Леопольдовна в 1741 г. возвратила А.Д.Голицына из ссылки, восстановила его в чине действительного статского советника и сделала сенатором. Третьего октября 1741 г. Голицыну были возвращены собственные его имения, пока еще без отцовских.

Свержение малолетнего императора Иоанна Антоновича и регентши Анны Леопольдовны спутало все карты. Новоиспеченные сенаторы ждали репрессий за свое невольное участие в делах прежнего правительства. У Голицыных было и еще одно основание опасаться мести новой государыни Елизаветы Петровны: когда-то именно они при выборе кандидатуры на трон предпочли дочери Петра Великого Курляндскую герцогиню. Вопреки ожиданиям недругов Алексея Дмитриевича, среди которых был и его тесть, князь сразу же был обласкан новой властью. Ровно через пять лет после аннинского приговора, 9 января 1742 г. Елизавета Петровна своим указом возвратила А.Д.Голицыну приписанное к дворцу движимое и недвижимое имение его родителей и брата Сергея. Подтвердила она и его сенаторское звание. В елизаветинское царствование А.Д.Голицын достиг чина действительного тайного советника, стал кавалером ордена Св. Александра Невского. Он занимался обычными сенатскими делами, участвовал в разных комиссиях: о делах с башкирами, об образовании Московского университета и др.

Переход в новую – екатерининскую – эпоху прошел для Алексея Дмитриевича также безболезненно. Его старинный приятель генерал-прокурор Я.П. Шаховской, видимо, замолвил за него слово перед новой императрицей. А.Д.Голицын был в числе сенаторов, сопровождавших Екатерину II в Москву на коронацию, и получил орден Св. Андрея Первозванного.

И. Барду. Портрет Аграфены Васильевны Голицыной, урожденной Салтыковой (?) (1709-1762). 1780-е гг.

Когда коронационные торжества закончились, он в Петербург не вернулся, а по своему прошению был уволен от всех дел и поселился в старой столице. Последние годы А.Д.Голицын почти полностью посвятил воспитанию своего долгожданного первенца Николая, родившегося, когда отцу шел уже шестой десяток.

Несмотря на унаследованные от отца и брата имения, А.Д.Голицын не жил на широкую ногу. В быту он был непритворлив и всячески старался уберечь единственного сына Николая от мотовства. Доходы князя были невысоки по причине очень низкого оброка, которым он облагал своих крес-

тьян. Для них это был настоящий «золотой век». Кроме того, он содержал в своих подмосковных имениях около 35 человек богadelьников – старых и больных крестьян и дворовых.

А.Д.Голицын не имел таких широких интеллектуальных интересов, как отец и старший брат, не получил сколько-нибудь основательного образования, но, с точки зрения человеческих качеств и служебной честности, был образцом для современников. Скончался он в Москве и был похоронен в Богоявленском монастыре. На его могиле по заказу сына Николая было установлено надгробие работы Ж.-А. Гудона с аллегорической фигурой правосудия.

Мы мало что знаем о строительстве в Архангельском при Алексее Дмитриевиче. Как человек бережливый, он позаботился, чтобы все конфискованное имущество было возвращено на место. Но занятый по службе в Петербурге, он не мог постоянно следить за порядком в усадьбе.

Ж.-А. Гудон. Надгробие А.Д. Голицына. 1774 г.

Ф.Я. Алексеев. Вид на Богоявленский монастырь со стороны Ильинки. Начало XIX в.

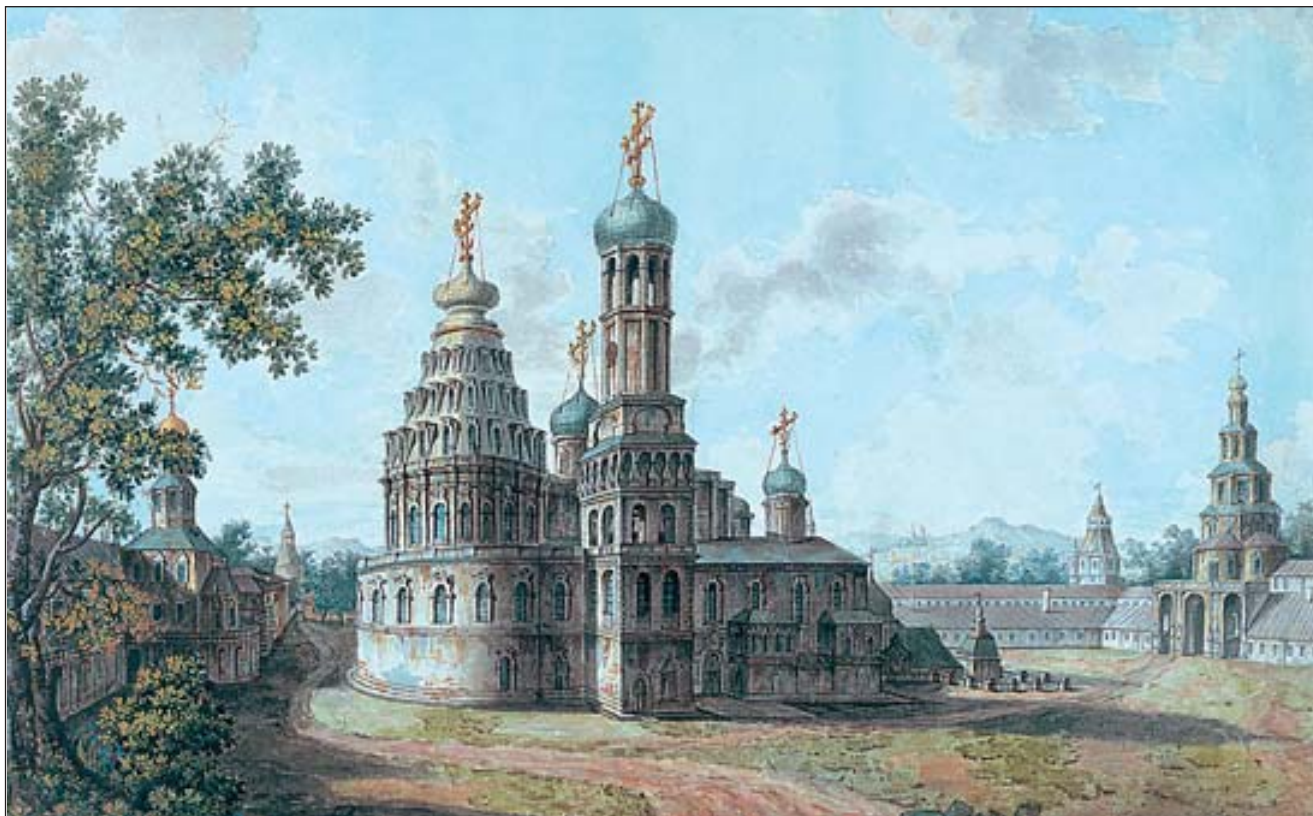

Императрица Елизавета Петровна. Гравюра Г.-Ф.Шмидта с портрета Л. Токке

До нас дошло уникальное свидетельство очевидца о состоянии барского дома в Архангельском в начале 1740-х годов. Близкий ко двору Елизаветы профессор Я. Штелин в своем сочинении «Известия о художествах в России» передает рассказ графа М.И.Воронцова. В 1744 г. тот сопровождал императрицу в Ново-Иерусалимский монастырь и, узнав, что по дороге находится «необычайно красивое поместье, которое прежде принадлежало сосланному императрицей Анной сенатору и так называемому российскому Макиавелли князю Дмитрию Голицыну», заехал туда. Он увидел «среди прочего целую комнату, полную превосходных итальянских и брабантских картин, которые, однако, находились в таком плохом состоянии, что некоторые из самых больших и дорогих картин висели частью покрытые плесенью, частью продырявленные, другие лежали сваленными в кучу»¹⁸.

Со времени возвращения Архангельского наследнику «верховника» прошло два года, но мы видим, что хозяин не очень заботится о художественных ценностях усадьбы. Кстати, этот рассказ Воронцова раскрывает содержание термина «шпалеры», употребленного в описи усадьбы 1738 г., — они, оказывается, были отнюдь не рядовой продукцией крепостных маляров.

Между тем хозяйственная жизнь в усадьбе не замерла. Пойменные земли по бере-

Ф.Я. Алексеев. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Начало XIX в.

гам Москвы-реки традиционно использовались как пастбища, недаром в XVII в. ими распоряжалось конюшенное ведомство. Все последующие владельцы, в том числе и Голицыны, тоже разводили здесь лошадей. Кроме того, А.Д.Голицын был страстным любителем псовой охоты. Огромная свора собак осталась в Архангельском после его смерти. Еще одним традиционным промыслом для обитателей москворецких берегов были лесопильни. По Москве-реке из можайских лесов сплавляли лес, его пилили и на собственные нужды и на продажу.

В 1763 г. Архангельское было описано чиновниками, проводившими «Генеральное межевание» — тотальную опись всех земельных владений по стране. В «экономических примечаниях» к Межевому плану сказано: «Село на левом берегу Москвы реки, церковь каменная Архангела Михаила. Господский дом на каменном фундаменте деревянный, при нем сад регулярный с плодovitыми деревьями. Фабрика полотняная, завод конской, в нем лошади немецкие и неополитанские. Два озера: аскоевское и общее, в них разная мелкая рыба. На реке Гортанке пильная мельница об двух рамах»¹⁹.

Превращение Архангельского в роскошный дворцово-парковый ансамбль — дело рук сына Алексея Дмитриевича Голицына — Николая. Произошло это уже в других исторических и культурных условиях.

Примечания к Части 1

- ¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. № 1818. Л. 578–580 об.
- ² Забелин И.Е. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1873.
- ³ ОПИ ГИМ. Ф. 440 (Забелин). Оп. 1. № 574. Л. 98–107.
- ⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. № 574. Л. 100–101 об.
- ⁵ Там же. Л.104–107.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 30551. Л. 233–237.
- ⁷ Там же. № 30555. Л.70–70об.
- ⁸ Там же. Л. 121–121 об.
- ⁹ См.: Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории Архангельской библиотеки Д.М.Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979; Они же: О рукописях библиотеки Д.М.Голицына в Архангельском // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1980; Клосс Б.М., Корецкий В.И. Рукописи из библиотеки князей Голицыных в собраниях ГБЛ // ГБЛ. Отдел рукописей. Записки. Вып. 44. М., 1983.
- ¹⁰ Татищев В.Н. История Российская. М.—Л., 1962. Т. 1. С. 124.
- ¹¹ Ф. 340. Оп. 3. Ч. 65. № 30555. Л. 30.
- ¹² См.: Елисеева О. Григорий Потемкин. М., 2006. С. 41.
- ¹³ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 212.
- ¹⁴ ОР РНБ. Q. II.7.
- ¹⁵ ОР РГБ. Ф. 64. Оп. 2. К. 80. № 10.
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 304/II. № 21.
- ¹⁷ См.: Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. С. 375–399.
- ¹⁸ Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. С. 368.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1355. № 761. Л. 29–29 об.

«Перспективный вид загородной усадьбы в окрестностях Москвы на канале, ведущем в С-Петербург, в России». Гравер Ж. Шеро. Париж. 3-я четверть XVIII в.

Часть 2. «АРХАНГЕЛЬСКИЕ» ГОЛИЦЫНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII—XIX ВВ.

В начале 1768 г. владельцем Архангельского становится Николай Алексеевич Голицын (1751–1809), сын Алексея Дмитриевича и Аграфены Васильевны, урожденной Салтыковой. Все дети в этой семье появились на свет довольно поздно: прошло более 20 лет совместной супружеской жизни, когда в 1747 г. родилась первая дочь Варвара, а затем через год Анна, и только в декабре 1751-го у княжеской четы появился сын Николай. Немолодой отец по мере своих сил и возможностей старался

Страсбургский собор и рынок. Гравюра

Неизвестный художник.
Силуэт князя Н.А. Голицына (1751–1809). 1780-е гг.

дать единственному наследнику хорошее воспитание. Он нанял гувернера-француза, некоего Гернандеса, человека весьма образованного в отличие от большинства учителей-иностранцев, которыми довольствовалась патриархальная Москва. Помимо французского языка молодой князь изучал латынь, географию, арифметику, астрономию. Когда же в 1765 г. гувернер переехал в Петербург, Алексею Дмитриевичу вновь пришлось думать об образовании сына. Его двоюродный брат, вице-канцлер Александр Михайлович Голицын, предложил послать 13-летнего мальчика учиться за границу и даже пообещал взять на себя все связанные с этим хлопоты. Однако нерешительность и медлительность отца привели к тому, что юный Голицын был отправлен в чужие края только осенью 1766 г., когда ему было почти 15 лет. Один год он провел в частном пансионе пастора Мурье в Стокгольме, а затем переехал в Страсбург, где находился популярный у русского дворянства университет.

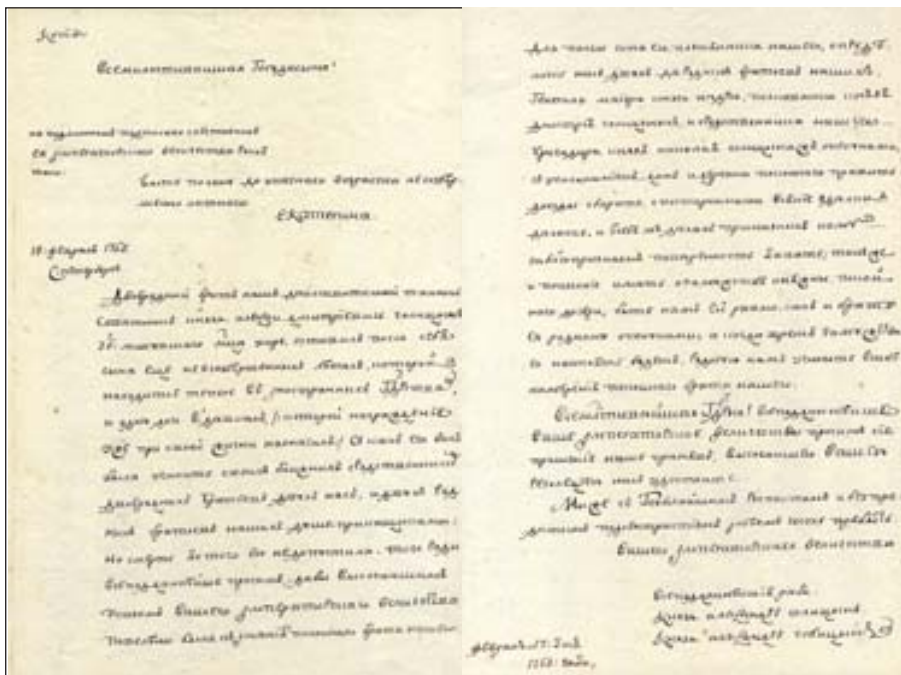

В январе 1768 г., когда Николай Алексеевич учился в Страсбурге, умер его отец. Екатерина II назначила несовершеннолетнему князю и его незамужней сестре Анне пятерых опекунов. В числе их оказались четверо двоюродных дядей юноши: вице-канцлер Александр Михайлович Голицын (1723—1807), генерал-фельдмаршал Александр Михайлович Голицын (1718—1783)¹, генерал-майор Андрей Михайлович Голицын (1729—1770) и полковник Дмитрий Михайлович Голицын (1735—1771)². Пятым опекуном стал дальний родственник Николая Алексеевича, владелец и строитель усадьбы Большие Вязёмы, бригадир Николай Михайлович Голицын (1729—1799).

Обязанности главного опекуна взял на себя вице-канцлер. Еще при жизни Алексея Дмитриевича он заботился о его сыне, а после смерти старого князя фактически заменил юноше отца. Не имея своих собственных законных детей, Александр Михайлович принимал горячее участие в воспитании всех отпрысков-Голицыных, но Николаю Алексеевичу было уделено особое внимание. Благодаря европейски образованному дяде недоучившийся недоросль был отправлен за границу, чтобы получить подобающее его титулу воспитание. Во вре-

Екатерина II. Гобелен с портрета П.-А. Ротари. Петербургская шпалерная мануфактура. 1760-е—1770-е гг.

Копия высочайше утвержденного прошения о назначении опекунов несовершеннолетним детям Алексея Дмитриевича Голицына. 1769 г.

Ф.И. Шубин. Портрет опекуна Н.А.Голицына, вице-канцлера князя Александра Михайловича Голицына (1723—1807). 1776 г.

мя его пребывания там вице-канцлер вел постоянную переписку и с ним, и с его гувернером, вникая в мельчайшие детали образовательных программ и даже быта³. Несмотря на чрезвычайную занятость, связанную с занимаемым высоким государственным постом, Александр Михайлович находил время для удовлетворения любых прихотей племянника⁴. Он же из Петербурга руководил ведением всех хозяйственных дел своего подопечного: давал указания по управлению имениями и домами, устанавливал размеры оброка для крепостных, проверял поступающие из Москвы отчеты, решал спорные проблемы и пересылал деньги для живущего в чужих краях князя.

¹ А.М.Голицын стал генералом-фельдмаршалом только в 1770 г., а в 1768-м был еще генералом-аншефом.

² Первый и последний — сыновья Михаила Михайловича Младшего, а двое остальных — сыновья Михаила Михайловича Старшего. Родной дядя и родная тетя Николая Алексеевича умерли еще до его рождения, соответственно в 1738 и 1746 годах.

³ Именно благодаря этой переписке до нас дошли многие подробности из жизни Николая Алексеевича. Документы хранятся в личном архиве вице-канцлера А.М.Голицына (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1).

⁴ Поручения племянника дядя варьировались от просьбы составить и выслать ему во Францию каталог его библиотеки до желания получить из России несколько фунтов зеленого чая.

Ф.С. Рокотов. Портрет опекуна Н.А.Голицына, князя Дмитрия Михайловича Голицына (1735–1771), 1760-е гг.

Второй опекун, фельдмаршал, был слишком занят, чтобы уделять много внимания племяннику: сначала он командовал 1-й армией в русско-турецкой войне, а затем, вернувшись в Петербург, был назначен членом учрежденного при дворе Совета. Именями и московским домом Николая Алексеевича занимались трое живших в Москве Голицыных: Андрей, Дмитрий и Николай Михайловичи, а после смерти первых двух (соответственно в 1770 и 1771 гг.) нелегкое бремя всех хозяйственных забот легло на плечи владельца Вязём. Он был из другой ветви рода Голицыных⁵, и его генеалогические связи с подопечным терялись в глубине веков. Не чувствуя за собой никаких родст-

Портрет опекуна Н.А.Голицына, фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына (1718–1783), 1778 г. Гравюра А. Радига с оригинала А. Рослена

Усадьба Большие Вязёмы. Гравюра

отдать должное этому скромному и никак не заявившему о себе в истории человеку. Занимаясь против своей воли чужими именьями, он выполнял обязанности чрезвычайно добросовестно и передал Николаю Алексеевичу дела в отличном состоянии. В числе родственников, заботившихся о несовершеннолетнем юноше можно назвать также родного брата вице-канцлера Михаила Михайловича (1731–1804). Он не был официально назначенным опекуном, но как постоянный корреспондент своего сановного брата оказался вовлечен в решение многих проблем двоюродного племянника.

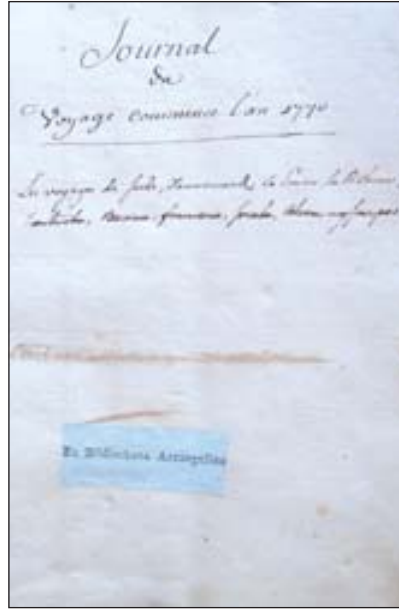
В 1767 г. Николай Алексеевич переехал из Стокгольма в Страсбург, и тогда его воспитани-

венных обязательств, Николай Михайлович неоднократно предпринимал попытки освободиться от обременительного опекунства, однако, деликатная, но весьма твердая настойчивость вице-канцлера вынудила его выполнять хлопотную и неблагодарную работу до возвращения молодого князя из-за границы. Надо

Я.И. Земельгак. Портрет князя Михаила Михайловича Голицына (1731–1804), 1787 г.

⁵ Из третьей и самой многочисленной ветви «Алексеевичей».

Дневник путешествия Николая Алексеевича Голицына по Европе. 1770—1771 гг.

ем стал заниматься еще один двоюродный дядя, посол России при императорском дворе в Вене, Дмитрий Михайлович Голицын (1721—1793). Он нашел 16-летнему юноше гувернера: им стал один из секретарей посольства Конрад Рене Кох⁶. Вместе с этим наставником Дмитрий Михайлович составил программу обучения молодого князя, в соответствии с которой тот провел два года в Страсбурге, беря частные уроки у университетских профессоров и посещая некоторые курсы в самом университете. В феврале 1770 г. Голицын покинул Страсбург и отправился путешествовать по европейским странам. Нача-

Договор, заключенный между Д.М. Голицыным и гувернером Н.А. Голицына К.-Р. Кохом. Вена, 1767 г.

К.-Р. Кох. «Обзор преобразований, происходивших в Европе со времени падения Западной Римской империи до наших дней». Лозанна, 1771 г. Посвящение князю Н.А. Голицыну

ло этого трехлетнего вояжа довольно подробно описано в дневнике⁷, который Николай Алексеевич начал вести по настоянию своих воспитателей. Сначала юноша познакомился с достопримечательностями Швейцарии, а затем проблемы со здоровьем вынудили его отправиться на месяц к минеральным водам в Спа. Оттуда через германские княжества он поехал в Италию, где затем провел целый год. Дневник донес до

⁶ Кох имел ученую степень в юриспруденции и помимо немецкого языка преподавал своему воспитаннику историю. Специально для Николая Алексеевича он написал учебник по истории Европы, который затем издал в Лозанне с посвящением ученику (Tableau des revolutions de l'Europe depuis le bouleversement de l'Empire d'Occident jusqu'à nos jours. Lausanne-Strasbourg, Bauer et Compagnie, 1771. ГМУА. Инв. № 15415).

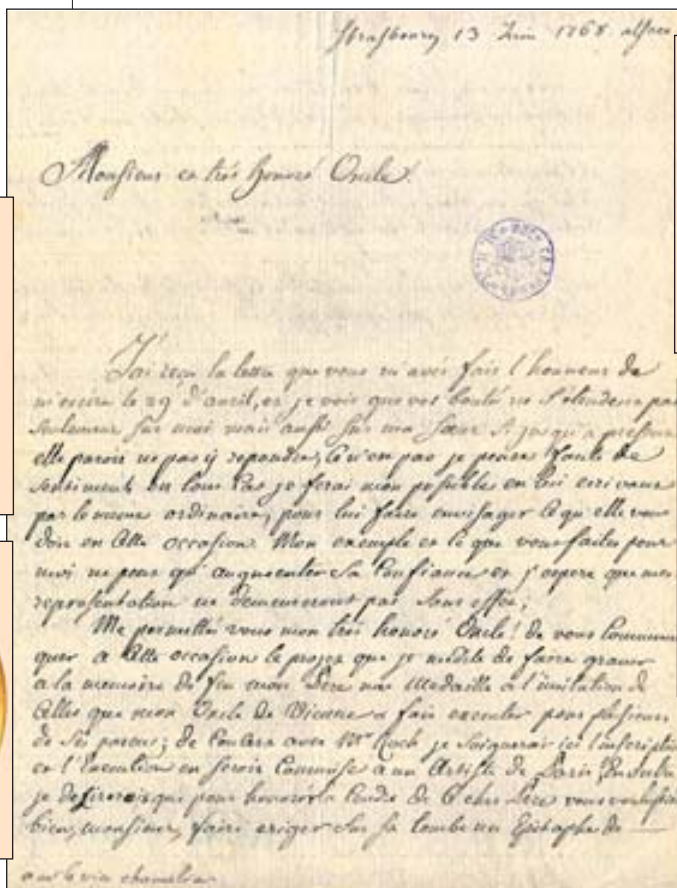
⁷ Journal de voyage, commencé l'an 1770. ГМУА, инв. №18402.

нас восторженные отзывы юноши о Венеции, Риме, Неаполе и других итальянских городах. Голицын также посетил места обязательного паломничества всех просвещенных путешественников того времени — Геркуланум и Помпеи и подробно описал королевский музей в Портичи, где были выставлены археологические находки из этих городов. В Риме Николай Алексеевич подружился с известным пейзажистом Я.-Ф.Хаккертом и брал у него уроки живописи. Он пригласил художника провести с ним один месяц в городке Альбано, где они часто выезжали вместе на этюды. Кроме того, Голицын много общался с русскими пенсионерами Петербургской академии художеств, помогал им материально, а одного из них сделал своим пенсионером.

А. Браун. Портрет русского посла в Вене князя Дмитрия Михайловича Голицына (1721—1793)

И.-К. Руатье. Медаль в память Алексея Дмитриевича Голицына. Франция. 1770 г.

И.-К. Руатье. Медаль в память Михаила Михайловича Голицына Старшего. Франция. 1770 г.

Письмо Николая Алексеевича Голицына из Страсбурга от 13 июня 1768 г.

к вице-канцлеру с просьбой разрешить заказать медаль в память об умершем отце.

«Позволите ли вы, многоуважаемый дядюшка, поведать вам о возникшем у меня плане заказать медаль в память о моем покойном отце наподобие тех, которые мой венский дядя заказывал для некоторых своих родственников. Вместе с господином Кохом я обдумую надпись, и медаль будет выполнена каким-нибудь парижским мастером». Пер. с французского

Карта Италии. XVIII в.
Из атласа Голицыных.

В начале 1772 г. путешественник отправился во Францию, где также провел почти целый год. Он объездил со своим гувернером все загородные резиденции французского короля и был благосклонно принят в Версале, особенно при дворе дофина. Каждый вторник Голицын посещал балы, устраиваемые будущей королевой Марией-Антуаннетой, которая позволила русскому князю носить французский придворный мундир и даже танцевала с ним. Публицист и знаменитый корреспондент Екатерины II Ф.М.Гримм ввел его в круг популярных парижских литераторов. За границей юный путешественник нередко встречался со своими соотечественниками: в Спа он отдыхал вместе с княгиней Е.Р.Дашковой, в Италии – тесно общался с И.И.Шуваловым, во Франции – был частым гостем в доме графа А.С.Строганова, где собиралось много других русских.

Я.-Ф. Хаккерт. Вид на раскопки Помпей.
Конец XVIII в.

Фонтенбло. Гравюра Ж. Широ. XVIII в.

Последний год пребывания Николая Алексеевича за границей доставил массу хлопот его воспитателям. Во Франции юноша страстно влюбился в простолюдинку, некую мадемуазель Ренар, и никакие увещевания дядей и гувернера не могли заставить его покинуть Париж. Из-за этого визиты в Голландию и Англию оказались довольно краткими (в каждой из этих стран он провел меньше месяца). В конце концов князя все же удалось увезти из французской столицы, сыграв на его честолюбии: ему очень хотелось вернуться в Россию в составе свиты принцесс Гессен-Дармштадтских (ландграфиня Гессен-Дармштадтская Каролина везла в Россию трех дочерей, одной из которых, Вильгельмине, предстояло стать супругой цесаревича Павла Петровича). Этот план блестящего возвращения домой обсуждался в переписке почти два года, но его все же не удалось осуществить в полной мере из-за внезапного сокращения свиты ландграфини и ее дочерей. Николай Алексеевич сопровождал принцесс до Берлина, где ему пришлось с ними расстаться. Вновь они встретились уже в Петербурге, куда князь приехал вместе с гувернером в июне 1773 года.

Сразу по возвращении в Россию Голицыну был пожалован придворный чин камер-юнкера, а через год камергера. Титул, хорошее образование и воспитание обеспечили князю благосклонный прием при дворе: его имя постоянно мелькает в камер-фурьерских журналах в числе лиц, обедавших за одним столом с императрицей, где он нередко бывал распорядителем (форшнейдером). Николай Алексеевич выполнял различные поручения Екатерины II, в том числе связанные с приемами иностранных послов, но если не считать визита к шведскому двору в 1782 г. и участия во встрече императрицы со шведским королем в Фридрихсгаме в 1783 г., он никак не проявил себя на дипломатическом поприще, к которому его

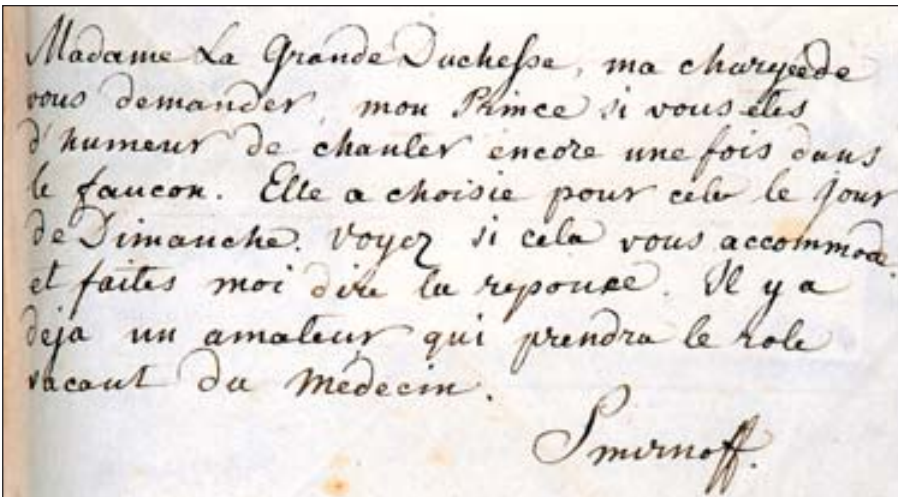
Версаль. Гравюра Ж. Широ. XVIII в.

готовили дяди-дипломаты. В литературе Николая Алексеича часто называют русским послом в Швеции, хотя он совершил туда визит в 1782 г. всего лишь «для изъявления королю шведскому сожаления о кончине вдовствующей королевы шведской и для поздравления его с рождением принца Густава»⁸. В 1783 г. он стал действительным камергером и был назначен членом вновь образованного «Комитета над зрелищами и музыкой», получив в управление итальянскую и балетную группы⁹. В этом назначении, по-видимому, отразилось страстное увлечение Голицына театром, возникшее еще в период учебы за границей. Надо заметить, что театр его интересовал не только как зрителя, но и как актера: с ранней юнос-

Ф.-Ж.Сидо. Силуэт великой княгини Марии Федоровны. 1782–1783 гг.

Ф.-Ж.Сидо. Силуэт князя Николая Алексеича Голицына. 1782–1783 гг.

Записка придворного Смирнова князю Николаю Алексеичу Голицыну с приглашением от имени великой княгини Марии Федоровны принять участие в очередном представлении оперы «Сокол». «Ее высочество великая княгиня поручила мне узнать, не угодно ли вашему сиятельству еще раз исполнить свою арию в «Соколе». Она назначила это на воскресенье. Соболаговолите дать мне ответ, подходит ли вам этот день. Мы уже нашли актера-любителя, который исполнит роль врача. Смирнов». Пер. с французского

⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. Ч. 4. М., 1902. С. 264.

⁹ «Комитет» был упразднен через три года в феврале 1786. Нам неизвестно, какой вклад в его работу внес Николай Алексеич, но в целом императрица была недовольна работой этого учреждения. «Театр национальный приведен в расстройство и упадок», – писала она («Русский архив», 1870. Кн. 1. С. 1553).

Фарфоровая группа «Венера с зеркалом и амур». Франция. Мануфактура Локре. 1780-е гг.

¹⁰ «Я всегда содрогался при мысли о придворной жизни. Там чем выше поднимаешься, тем больше рискуешь упасть. Кроме того, я слишком искренний человек, чтобы стать хорошим царедворцем», – писал Николай Алексеевич, когда ему было 20 лет (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7294. Л. 9). Аналогичные высказывания встречаются в его письмах и в более зрелом возрасте. «Откровенно говоря, я совершенно не создан для придворной жизни», – писал он сразу после женитьбы (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7348. Л. 8). Пер. с французского.

¹¹ Записки графа Е.Ф.Комаровского. СПб., 1914. С. 67.

¹² Мать М.А.Олсуфьевой, урожденная Салтыкова, была единокровной сестрой матери Н.А.Голицына. «По правде сказать, – писал Николай Алексеевич своему дяде, – мой поступок можно назвать несколько дерзким, но благодаря ходатайству князя Орлова мне удалось получить нечто вроде согласия ее императорского величества. <...> Мое путешествие это ничто иное, как способ избежать критики тех, кто имеет привычку некстати вмешиваться в дела других» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7347. Л. 1 об.). Пер. с французского.

¹³ РГАДА. Ф. 1263. Оп.1. № 7124. Л. 10 об.

ти князь принимал участие в любительских спектаклях, а при дворе стал одним из членов созданной великой княгиней Марией Федоровной труппы, которая давала представления в Павловском и Гатчинском дворце.

Принимая во внимание титул, образование и связи князя, его дальнейшую карьеру нельзя назвать блестящей. Еще в юности он заявлял, что придворная жизнь ему не по душе и поэтому не прилагал особых усилий к продвижению по служебной лестнице¹⁰. В 1792 г. Николай Алексеевич, имея уже чин тайного советника, был назначен сенатором. В 1796 г. ему был пожалован придворный чин шталмейстера, и он стал одним из членов учрежденной при Сенате Экспедиции государственных конных заводов. Возможно, в этих назначениях сыграла роль его другая страсть – увлечение лошадьми, каретами, красивой сбруей. В Архангельском у князя был свой конный завод, которым он очень гордился. Н.А.Голицын был награжден двумя орденами: Анны 1-й степени в 1796 г. и орденом Св. Александра Невского в 1798 году. В августе 1798 г. он ушел в отставку. Это произошло в период гонений на многих придворных, когда Павлу I всюду мерещились заговоры. Император стал подозревать даже свою жену, а вместе с ней и все ее окружение. Николай Алексеевич оказался в числе попавших в опалу лиц и был сослан в Москву¹¹.

Чем занимался князь, покинув Петербург? По всей вероятности, своими подмосковными Архангельским и Никольским-Урюпино, которые принесли ему гораздо большую известность, чем служба при дворе. Первое имение досталось Николаю Алексеевичу по наследству, а второе он в 1774 г. приобрел у князя В.С.Долгорукова. В обеих усадьбах Голицын разбил парки, построил дворцы и, окружив себя красивой обстановкой и прекрасными произведениями искусства, погрузился в семейную жизнь и воспитание детей. Он женился 11 июня 1777 г. на Марии Адамовне Олсуфьевой (1757–1820). Этот брак носил несколько скандальный характер, так как невеста приходилась князю двоюродной сестрой. Для того чтобы получить разрешение на него понадобилось вмешательство бывшего фаворита императрицы князя Г.Г.Орлова. Желая избежать толков и строгого суда публики, супруги сразу после свадьбы удалились за границу¹².

Прежде чем продолжить рассказ о семейной жизни и детях Николая Алексеевича, необходимо несколько слов сказать о его сестрах. Об обучении дочерей в те времена особо не беспокоились, и обе княжны практически не получили никакого образования. Познания 20-летней Анны Алексеевны, например, сводилось к тому, что она «свое имя изрядно подписывала»¹³. Старшая дочь Алексея Дмитриевича, Варвара Алексеевна (1747–1777), еще при жизни отца вышла замуж за Ивана Григорьевича Наумова, незнатного, но богатого дворянина. Их единственная дочь, Мария Ивановна, в замужестве Римская-Корсакова (1766–1832), была известной московской барыней, чрезвычайно хлебосольной, жившей на широкую ногу. Ее имя, а также имена троих ее сыновей и пятерых красавиц-дочерей нередко встречаются в письмах и воспоминаниях современников. А.С. Пушкин, частый гость в доме Марии Ивановны, назвал ее «чрезвычайно милой представительницей Москвы». Он был влюблен в одну из ее младших дочерей Александру и посвятил той строфу в поэме «Евгений

Фарфоровая группа «Флора и амур». Франция. Мануфактура Локре. 1780-е гг.

И. Барду. Портрет княжны Анны Алексеевны Голицыной, в замужестве Масловой (?) (1748–1780). 1782 г.

И. Барду. Портрет княжны Варвары Алексеевны Голицыной, в замужестве Наумовой (?) (1747–1777). 1780-е гг. (?)

Онегин»¹⁴. Исследователь-литературовед М.О.Гершензон, изучивший переписку этой семьи, считал, что Мария Ивановна была настолько колоритной и типичной представительницей эпохи, что ее можно принять скорее за «художественный образ, чем единичную личность»¹⁵. И действительно, война 1812 года, в которой приняли участие все трое ее сыновей и один из них погиб, восстание декабристов¹⁶, грибоедовское и пушкинское время — все это отразилось в семейных преданиях. Документы также свидетельствуют, что Римские-Корсаковы поддерживали тесную связь со своими родственниками Голицыными.

Вторая сестра Николая Алексеевича Анна Алексеевна (1748–1780) была весьма своенравной особой. Оставшись после смерти отца девицей, она не желала подчиняться опекунам, доставив тем за пять лет опеки массу хлопот. Хотя

К.К. Гампельн. Портрет Марии Ивановны Римской-Корсаковой (1766–1832). 1820-е гг.

Архангельское и московский дом принадлежали ее брату, княжна мешала ими распорядиться. Возникали проблемы и с ее собственными деревнями, так как Анна Алексеевна нередко ставила под сомнение бескорыстие и честность опекунов. Несмотря на угрозы вице-канцлера и увещательные письма Николая Алексеевича из Страсбурга, она бесцеремонно отвергла жениха, какого-то юношу из рода Голицыных, и в конце концов нашла себе супруга сама, выйдя в апреле 1773 года замуж за некоего бригадира Андрея Яковлевича Маслова. Избалованная кокетка часто требовала от брата подарков, а перед свадьбой захотела получить второе приданое, не довольствуясь тем, что оставил ей отец¹⁷. Больше всего от строптивого

¹⁴ 52-ая строфа 7-ой главы, начинающаяся словами: «У ночи много звезд прелестных, красавиц много на Москве...».

¹⁵ Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. М., 1916. С. 7. Мария Ивановна Римская-Корсакова является центральной фигурой этого исследования.

¹⁶ Г.А.Римский-Корсаков (1792-1852) был членом Союза Благоденствия. Заграничная поездка 1823–26 гг. спасла его от привлечения к суду по делу декабристов.

¹⁷ В одном из писем в Страсбург она попросила брата подарить ей «бриллиантовый перстень». Николай Алексеевич переадресовал просьбу к вице-канцлеру, а тот, решив, что княжне не выдают денег, велел московским опекунам купить ей перстень «из ее капитала». Николай Михайлович отвечал: «Что касается до покупки ей перстня, то мы отдаем на волю ее, так как она и в прошлом году несколько бриллиантовых вещей сделала, и по требованию ее деньги всегда под расписку ее отпускаем» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7301. Л. 10 об.).

А. Молинари. Портрет княгини Марии Адамовны Голицыной (1757–1820). Начало XIX в.

А. Молинари. Портрет княжны Марии Николаевны Голицыной (1798–1812). Начало XIX в.

¹⁸ Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. Т. 1. СПб., 1892. С. 165.

¹⁹ «Имено честь сообщить вам, что моя жена весьма счастливо разрешилась от бремени сыном, которого назвали Алексеем. Мой тесть господин Олсуфьев и княгиня Голицына, супруга фельдмаршала, были восприемниками новорожденного от купели». Пер. с французского (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 7351. Л. 1).

²⁰ Сайтов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т.1. СПб., 1907. С. 292. В этом издании записан младенец Голицын, захороненный под папертью собора Донского монастыря. Составителям справочника не удалось разобрать на надгробии стершееся имя мальчика. Кроме того, они неправильно прочитали имя его отца: Николай Андреевич вместо Николая Алексеевича. Благодаря точно указанному сроку жизни ребенка – 1 год 7 месяцев и 3 дня – можно высчитать день его рождения – 26 октября 1781 года. Николай Алексеевич же сообщал вице-канцлеру, что у него родился сын Алексей 18 ноября 1781 года. Трехнедельная разница в датах вполне объяснима, так как князь писал не только о рождении, но и о крещении сына. Приведенное также на плите придворное звание отца – действительный камергер – дает возможность сделать окончательный вывод, что это захоронение Алексея Николаевича Голицына.

²¹ «Имено честь сообщить, что моя жена родила сына, которого я назвал Дмитрием». Пер. с французского (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7296. Л. 1.). Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. М.1914. С. 206.

нрава подопечной досталось Николаю Михайловичу Голицыну, из писем которого мы обо всем этом узнаем.

Николай Алексеевич и Мария Адамовна пробыли за границей более трех лет. В Париже в 1780 г. у них родилась дочь, которая была названа Аграфеной, в честь матери Николая Алексеевича. В 1781 г., когда княжеская чета вернулась в Петербург, у них появился первый сын Алексей, унаследовавший имя деда-Голицына. В издании «Род князей Голицыных» указывается, что Алексей Николаевич родился 18 декабря 1781 г., а в 1801 г. был уже в чине майора¹⁸. Однако архивные документы и, в частности, письмо его отца к вице-канцлеру от 18 ноября 1781 г. свидетельствует, что мальчик появился на свет немного раньше¹⁹. Кроме того, сравнение этого источника со сведениями, приведенными в издании «Московский некрополь», позволяет установить неизвестную донные дату его смерти – 29 мая 1783 года²⁰. Как видим, он умер в младенческом возрасте и, следовательно, никак не мог быть майором в 1801 году.

В литературе даются довольно противоречивые и неточные сведения и о других детях Николая Алексеевича и Марии Адамовны. Например, во всех генеалогических справочниках указывается, что их второй сын Дмитрий Николаевич родился в 1786 г., тогда как надпись на его надгробии при Вознесенской церкви во Владимире гласит, что он появился на свет 26 февраля 1787 года. Это подтверждается письмом его отца к вице-канцлеру от 1 марта 1787 года²¹. Вызывает также сомнение правильность даты рождения их второй дочери Марии – 1798 год. В этом случае она должна была умереть 14-летней девочкой, однако, на дошедших до нас портретах княжна выглядит старше.

А. Молинари. Портрет княжны Марии Николаевны Голицыной. Начало XIX в.

Переписка Николая Алексеевича дает также возможность узнать о его детях, которые вовсе не попали в генеалогические справочники. Ни в одной родословной, например, не названы их первая дочь Аграфена и третий сын Сергей, родившийся в 1789 году²². С другой стороны, часто называется совершенно невероятное количество детей у четы Голицыных — семнадцать²³. Эта фантастическая цифра, впрочем, никак не подтверждается источниками: Николай Алексеевич сообщал о рождении всех своих детей вице-канцлеру, и по его письмам выявляется только шестеро: четыре сына и две дочери. Методичность князя в подборе имен — в честь матери, отца, деда, родного дяди, прадеда, тещи — вызывает вполне обоснованные сомнения, что в промежутках между рождением известных нам детей появлялись на свет другие. Самый младший, четвертый сын Николая Алексеевича Михаил родился в 1796 г., и именно он стал единственным наследником и продолжателем этой ветви рода, о чем подробнее будет сказано ниже. Эпистолярные документы также свидетельствуют, что князь был нежным и заботливым отцом. Он очень любил своих детей и, даже уезжая из дому, не желал расставаться с ними и поэтому брал с собой в дорогу их портреты²⁴.

После смерти Николая Алексеевича осталось трое наследников: Дмитрий, Мария и Михаил. Дочь Николая Алексеевича Мария Николаевна (1798—1812) умерла в юности, и похоронена в одной могиле со своей матерью на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Старший сын Николая Алексеевича Дмитрий Николаевич (1787—1812) избрал для себя весьма нелегкую карьеру. О нем известно немного, но даже сухие факты послужного списка довольно ярко характеризуют этого молодого человека. Несмотря на высокий придворный чин, полученный им еще в юности (в 15 лет был почетным камергером²⁵, а в 18 уже действительным камергером), князь не стал искать счастья при дворе. В 1805 г. он отправился в Китай в должности кавалера при чрезвычайном и полномочном после графе Ю.А.Головкине. Экспедиция была довольно опасной не только из-за длинного и трудного пути через всю Россию к берегам Амура, но и из-за чрезвычайно сложных отношений с Китаем²⁶. После возвращения из Китая Дмитрий Николаевич в зва-

А. Молинари. Портрет князя Дмитрия Николаевича Голицына (1787—1812). Начало XIX в.

Подорожная от Москвы до Кяхты, выданная князю Дмитрию Николаевичу Голицыну, отправляющемуся при посольстве в Китай. 1805 г.

²² РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7350 Л. 1; Д. 7297. Л. 1. Даты их смерти неизвестны, но, очевидно, оба умерли в раннем детстве.

²³ РБС. Т. «Гоголь-Гюнэ». М. 1997. С.178; Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. Т. 1. СПб., 1892. С. 150. Н.Н.Голицын пишет, что все его усердные поиски этих младенцев были тщетными. Автору данной статьи также не удалось найти никаких следов мнимых детей Николая Алексеевича и Марии Адамовны, что наряду со здравым смыслом лишней раз подтверждает их мифическое происхождение.

²⁴ «Я привез сюда (в Павловск - В.П.) ваши портреты. Они висят над изголовьем моей кровати, так чтобы я мог пожелать им спокойной ночи, ложась спать, и поздороваться с ними, проснувшись» (Письмо Н.А.Голицына из Павловска от 17 мая 1802 г. к сыну Михаилу. Пер. с французского. РГАДА. Ф. 1263. Оп. 11. № 1. Л. 55).

²⁵ Адрес-календарь на 1802 г. С.8.

²⁶ Участник этого посольства Ф.Ф. Вигель писал: «Обратный путь был ужасен: к холоду скоро присоединился голод. <...> Не было неприятностей, коих бы оно (посольство — В.П.) не претерпело от сих варваров» (Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 2. М., 1892. С. 211).

Ф.П. Толстой. Медальоны с аллегорическим изображением событий Отечественной войны 1812 г.

нии капитана Нарвского драгунского полка служил на Кавказе, где в этот период постоянно велись войны с турками и мятежными ханами. В 1809 г. он был назначен адъютантом главнокомандующего русскими войсками в Грузии генерала-фельдмаршала графа И.В.Гудовича. Во время Отечественной войны 1812 г. майор Голицын сражался в составе Ахтырского гусарского полка, был смертельно ранен в Бородинском сражении и в сентябре 1812 г. скончался во Владимире. Ему было всего лишь 25 лет, он не успел жениться и не оставил потомства.

Камергерский ключ. Первая половина XIX в.

Младший сын Николая Алексеевича Михаил Николаевич (1796 – 1863), несмотря на юный возраст²⁷, также как и его брат сражался с французами под Бородином. После сражения он был произведен в прапорщики лейб-гвардейского Преображенского полка, а затем участвовал в заграничных походах, дошел до Парижа и был награжден орденом Св. Анны 4-й степени и прусским знаком Железного креста. В 1823 г. князь перешел на гражданскую службу, где «состоял за обер-прокурорским столом в правительствующем Сенате», и был пожалован в камергеры. Переехав в древнюю столицу, он стал советником Московской дворцовой конторы, почетным попечителем 1-й Градской больницы и почетным опекуном Московского опекунского совета.

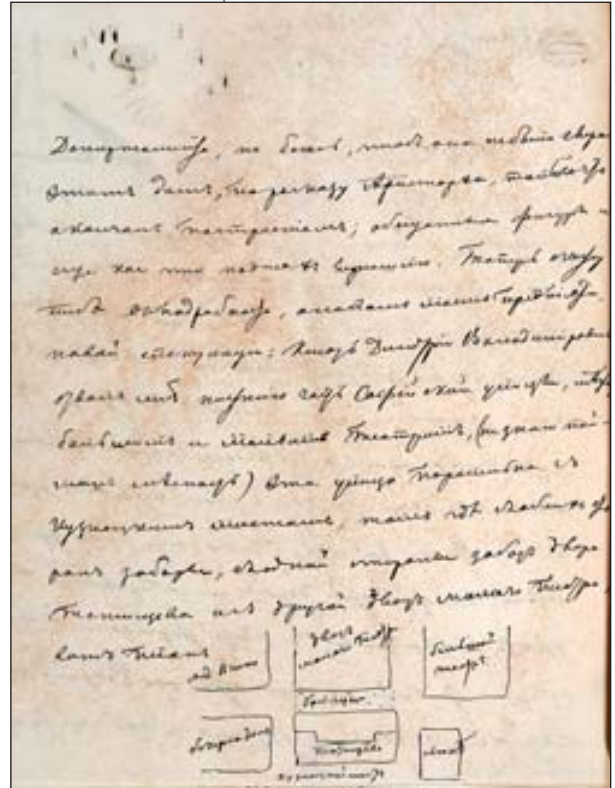
1-я Градская больница. Фото XIX в.

²⁷ Во время Бородинской битвы ему еще не было 16-ти лет.

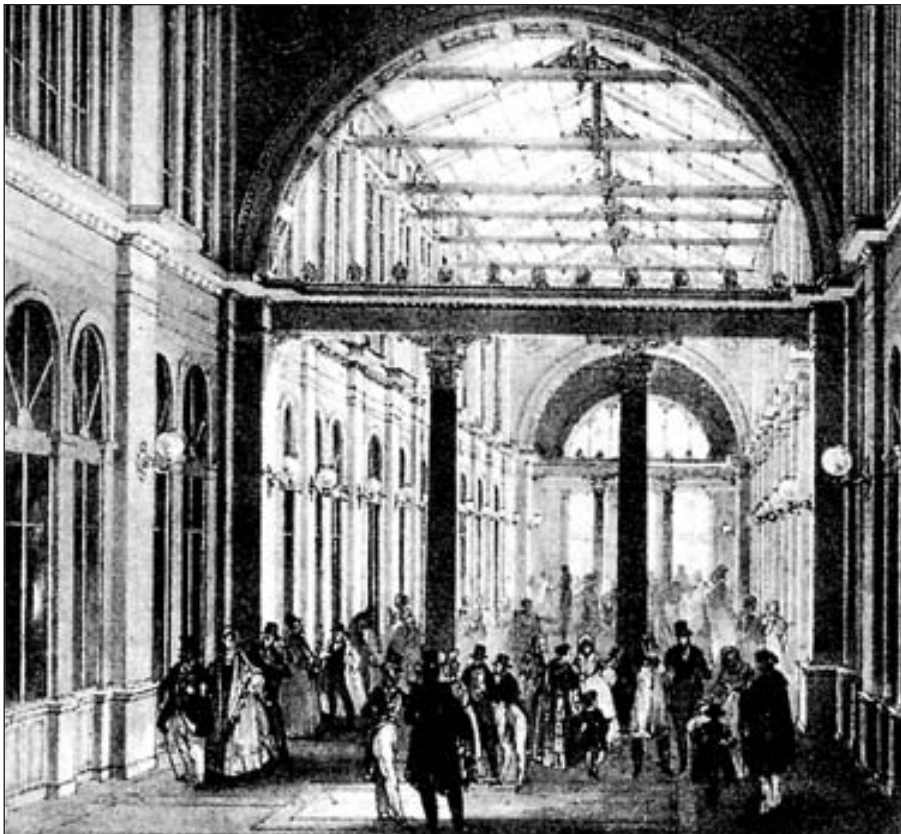
Л. Вагнер. Портрет князя Михаила Николаевича Голицына (1796–1863). 1846 г.

Кроме того, князь известен как основатель существующего поныне Петровского пассажа, первого в России торгового заведения подобного рода²⁸. Михаил Николаевич дослужился до чина тайного советника и был награжден орденами Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени и Св. Станислава 1-й степени.

Письмо Михаила Николаевича Голицына к сыну Николаю Михайловичу от 27 августа 1840 г., излагающее план строительства Пассажа в Москве со схематическим рисунком улиц и зданий между Кузнецким мостом и Софийской набережной.

«На этом месте я должен построить Галерею с магазинами по плану таковых галерей или пассажей в Париже и Лондоне. В этой улице не будет проезда, а один проход пеших, а с обеих сторон магазины, отделанные со всякою роскошью парижской; переход будет под сводом стеклянным и вечером б^ыв освещен лампами, представит вид очаровательный»

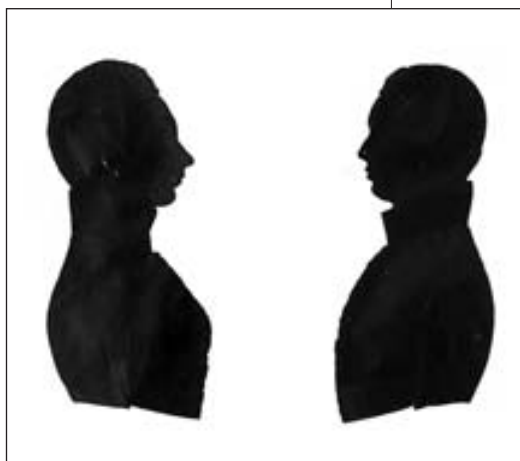

«Галерея М.Н. Голицына» (Петровский пассаж). Гравюра. 1842 г.

²⁸ Пассаж в Москве был открыт 15 февраля 1842 г., на шесть лет раньше, чем в Петербурге. Его подробное описание содержится в книге «Галерея магазинов князя Голицына в Москве, описанная Федором Кузьмичевым» (М., 1842), где автор отмечает, что «устройство этой галереи в Москве – совершенная новость и небывальщина».

Издания музыкальных произведений М.Н. Голицына. Середина XIX в.

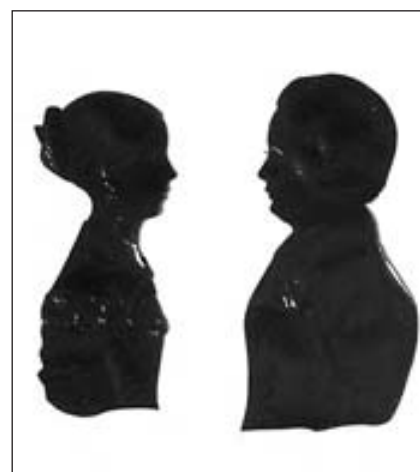
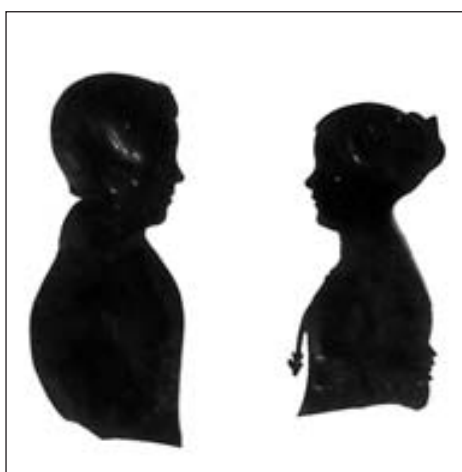
Силуэты (дети М.Н. Голицына?). Середина XIX в.

В литературе его иногда называют писателем, что не совсем верно. Изданные им две брошюры это всего лишь доклады и предложения, связанные с работой в Градской больнице²⁹. Но князь, несомненно, был талантливым композитором: он автор проникновенных романсов «Облако» и «Звезда» на стихи Ивана Петровича Мятлева, а также «Четырех мазурок» и «Полонеза» для фортепьяно³⁰.

Хотя сам Михаил Николаевич родился в Архангельском, его семья жила уже в другой отцовской усадьбе Никольское-Урюпино, так как сразу после смерти Николая Алексеевича его вдова Мария Адамовна продала главное голицынское загородное имение. В 1820 г. Михаил Николаевич Голицын женился на княжне Анне Николаевне Вяземской (1796–1873). У них было шестеро детей: Николай, Лев, Дмитрий, Мария, Михаил и Софья. Родители старались дать им хорошее образование, подыскивая самых лучших учителей. Достаточно сказать, что среди

²⁹ М.Н.Голицын. Мысли и замечания, плод десятилетних трудов. М.,1843; Несколько слов в память незабвенного начальника, его светлости, кн. Дмитрия Владимировича. Сочинение кн. М.Н.Голицына, почетного члена Московской Градской больницы. М., 1844.

³⁰ Колесникова О.В. Редкие нотные издания и рукописи из коллекции князей Голицыных в собрании Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (Сообщение на научной конференции «Встречи в Архангельском. Два владельца усадьбы» К 250-летию со дня рождения князя Н.А.Голицына и князя Н.Б.Юсупова. ГМУА, 2 октября 2000 г.).

воспитателей юных Голицыных были: будущий историк С.М.Соловьев³¹; писатель и переводчик, издатель «Азбуки» и других многочисленных книг для детей по грамматике, арифметике, географии П.Н.Шарапов; поэт В.И.Красов; известный публицист М.Н.Катков. Для обучения маленьких князей немецкому языку Михаил Николаевич привез из Германии Фридриха Боденштедта, впоследствии одного из лучших переводчиков произведений Пушкина, Лермонтова и Тургенева на немецкий язык. Хотя Боденштедт был полиглотом и хорошо знал английский, для преподавания этого языка из Кембриджского университета был специально приглашен некий Томас Шоу³². Часто гостил в доме Голицыных известный славнофил Ю.Ф.Самарин, который, как утверждает Боденштедт, был очень дружен с Николаем и Львом Голицыными³³.

Старший сын Михаила Николаевича **Николай Михайлович (1820–1885)** с 1835 по 1840 г. учился в Царскосельском лицее, а затем служил в Министерстве юстиции. Боденштедт, воспитатель двух младших мальчиков-Голицыных Дмитрия и Михаила пишет: «Николай Михайлович был юноша высокого роста, серьезный, получивший основательное образование; он служил в Министерстве внутренних дел, и ему скоро стали давать весьма важные поручения. Я видел его в последний раз, когда он отправлялся в Сибирь с следственной комиссией»³⁴. Это было в 1842 г., когда князь был командирован к сенатору И.Н.Толстому, ревизовавшему Сибирь. В музее-усадьбе «Архангельское» хранятся письма матери к нему. Они полны тревог за сына, отправившегося в долгое и трудное путешествие, но вместе с тем княгиня, как истинная аристократка, гордится тем, что тот предпочел тяготы службы спокойной и комфортной жизни. Она пишет: «С какой радостью, мой милый, нежный друг, мы получили твое письмо из Иркутска. Какое счастье что ты, наконец, миновал эти пустынные земли и

Е.Н. Страхов. Портрет княгини Анны Николаевны Голицыной, урожденной княжны Вяземской (?) (1796–1873)

П. Берже. (?) Портрет князя Николая Михайловича Голицына (1820–1885). 1830-е гг.

не подвергаешься опасности. Бедняжка! С каким самообладанием ты перенес все тяготы путешествия. И без единой жалобы. У твоих товарищей по службе нет такого сильного характера. Борис Голицын (светлейший князь Б.Д.Голицын (1819–1853) – В.П.), будучи в Москве, навестил меня. Естественно, разговор зашел о тебе и о твоей поездке. Из того, что он мне сказал, я сделала вывод, что он не способен вести такой образ жизни, который приносит пользу обществу. Он сейчас служит при министре Чернышеве. Я спросила его, является

П. Берже. (?) Портрет князя Льва Михайловича Голицына (1822–1848). 1830-е гг.

³¹ Сергей Михайлович оставил воспоминания о своей службе гувернером в доме Голицыных в 1838 г., где представил княжескую семью в весьма непривлекательном виде. В частности, Михаил Николаевич у него – это развратный соблазнитель крепостных девушек, сожительствующий вдобавок со сводной сестрой своей жены Меропой Беринг. Изучение эпистолярных документов, оставленных семьей Голицыных, а также воспоминания Фридриха Боденштедта заставляют усомниться в объективности представленной картины. 18-летний юноша, оказавшийся, по его собственным словам, среди «чуждых нравов и обычаев, среди чужого народа» отнесся к аристократической семье с предвзятостью разночинца. Сам ли он возводил напраслину на своих хозяев или верил злым сплетням, мы не знаем, но некоторые фантастические цифры и факты, встречающиеся в его мемуарах, а также неспособность будущего знаменитого историка запомнить древнейшую русскую фамилию, восходящую к Рюрику (княжна Вяземская превращается у него в княжну Вельяминову), диктует нам осторожный подход к этому источнику (См. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 251–254).

³² Боденштедт пишет, что Шоу сделался предметом разговоров в салонах, и после его работы в доме Голицыных изучение английского языка вошло в Москве в моду (Воспоминания Фридриха Боденштедта // «Русская старина», 1887. № 5. С. 437).

³³ Воспоминания Фридриха Боденштедта // «Русская старина», 1887. № 5. С. 435.

³⁴ Там же.

Неизвестный художник.
Портрет Марии Сергеевны
Сумароковой (1830–1902).
1840-е гг.

ли его служба более престижной, он мне ответил, что она более удобна. Об остальном можешь судить сам. Вот они молодые миллионеры!»³⁵.

За труды по ревизии Сибири Николай Михайлович был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1853 г. он был назначен исправляющим должность генерал-аудитора флота, а в 1856 г. утвержден в этой должности и произведен в действительные статские советники. В 1858 г. князю было пожаловано придворное звание камергера, а в 1865 г. – гофмейстера. Кроме вышеуказанного ордена он был награжден орденами Св. Владимира 2-й степени и Св. Анны 1-й степени с императорской короной. Николай Михайлович был также действительным членом Императорского русского географического общества. В 1849 г. он женился на Марии Сергеевне Сумароковой (1830–1902), и от этого брака родилось шестеро детей: два сына и четыре дочери. У мальчиков Михаила (1853–1870) и Сергея (1871–1919) были проблемы с психическим развитием. Три дочери вышли замуж: Анна (1859–1929) за будущего председателя IV Государственной Думы М.В.Родзянко, Мария (1865–1943) за морского офицера С.Д.Свербеева³⁶, Елена (1867–1943) за А.М.Хитрово. Старшая дочь Александра (1857–1937) замуж не выходила. Она была последней владелицей Никольского-Урюпино и прожила там до ноября 1918 г., когда ее и двух вдов-сестер М.Н.Свербееву и Е.Н.Хитрово выселили из усадьбы на основании решения земельного комитета Павловского Совдепа.

К.-А. Шрейнцер. Портрет княгини Марии Сергеевны Голицыной, урожденной Сумароковой (1830–1902). 1850 г.

³⁵ Письмо из Москвы от 1 ноября 1844 г. ГМУА. № 420. Л. 25. Пер. с французского.

³⁶ Сергей Дмитриевич Свербеев (1872–1905) погиб на крейсере «Князь Суворов» в Цусимском сражении.

Неизвестный художник.
Портрет князя Льва Михайловича Голицына (1822–1848). 1840-е гг.

Второй сын Михаила Николаевича Лев Михайлович (1822–1848) избрал для себя военную карьеру. В 1840 г. по окончании Пажеского корпуса он поступил прапорщиком в Бородинский Егерский полк, а затем был переведен в Киевский гусарский. С 1844 г. князь служил в Лейб-гвардейском конном полку, где в 1847 г. был назначен адъютантом к великому князю Михаилу Павловичу. Боденштедт пишет в своих воспоминаниях, что Лев Михайлович был очень хорош собой: «В Москве только один человек превосходил его красотой, то был князь Павел Гагарин. <...> Князь Лев Михайлович при всей своей мужественной красоте был олицетворенным добродушием. Мой старший воспитанник Дмитрий имел с ним большое сходство»³⁷. Лев Михайлович умер в возрасте 26 лет, будучи штаб-ротмистром гвардии. Он не успел жениться и не оставил потомства.

Неизвестный художник.
Портрет князя Николая Михайловича Голицына (1820–1885). 1840-е гг.

Бювар с гербом князей Голицыных. Франция. 1861 г.

³⁷ Воспоминания Фридриха Боденштедта // «Русская старина». 1887. № 5. С. 435. Боденштедт уверял, что все дети Михаила Николаевича были похожи на деда по материнской линии Н.Г.Вяземского, который, по воспоминаниям современников, был очень хорош собой. «Поэт (П.А.Вяземский - В.П.) не отличался такими изящными и благородными чертами лица, как его двоюродный брат, бывший даже под старость замечательно красивым мужчиной. Дети походили на него красотой: княгиня Голицына лицом была вылитый отец» (Там же. С. 433). С.М.Соловьев при всей своей нелюбви к семейству Голицыных описывает Михаила Николаевича следующим образом: «Главное лицо сам князь - мужчина лет под 50, очень красивый и с претензиями на красоту и молодость, красящий волосы» (Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 251).

Ламбер. Портрет князя Дмитрия Михайловича Голицына (1827–1895). 1840-е гг.

Князь Василий Дмитриевич Голицын (1857–1926) в мундире Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Фото 1915 г.

Дмитрий Михайлович (1827–1895), известный под прозвищем «Митридат», в отличие от своих старших братьев получил домашнее образование. В 1844 г. он поступил на службу унтер-офицером в Рязанский пехотный полк, а через два года был переведен во Владимирский уланский. Благодаря хлопотам брата Льва Дмитрий Михайлович в 1848 г. был переведен в Лейб-гвардейский конный полк, где прослужил до 1859 г., уйдя в отставку в чине ротмистра. В 1865 г. он был избран депутатом от московского дворянства «для составления и продолжения родословных книг», и с этого момента начинается его гражданская служба: он занимал должности почетного попечителя 1-й Градской больницы, а также члена Попечительского совета заведений общественного призрения. Дмитрий Михайлович ушел в отставку в 1879 г. в чине действительного статского советника. Он был награжден пятью орденами: Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава всех трех степеней, а также знаком Красного креста за «полезную деятельность по обществу попечения о раненых и больных воинах во время войны против турок в 1877–1878 гг.». В 1866 г. он был избран предводителем Московского дворянства³⁸. В 1856 г. князь женился на фрейлине Зинаиде Васильевне Ладомирской (1832–1895), и от этого брака родились три сына – Василий (1857–1926), Дмитрий (1859–1859) и Алексей (1872–1927), и две дочери – Анна (1860–1886) и Софья (1863–1930).

Старший сын Дмитрия Михайловича Василий Дмитриевич учился в Пажеском корпусе, и едва успев закончить его, в августе 1877 г. отправился на войну с Турцией. Это был сознательный выбор молодого офицера, который, будучи камер-пажем, мог вступить в любой полк, но выбрал лейб-казачий, который «из первых гвардейских полков должен был тронуться в поход»³⁹. В 1885 г. Василий Дмитриевич ушел в отставку в чине полковника. В 1910 г. он был назначен директором Румянцевского музея в Москве и очень много сделал для его развития и процветания. При нем музей стал получать деньги на комплектование фондов, была построена новая картинная галерея, книгохранилище и читальный зал на 300 мест. В 1913 г. по инициативе Голицына было создано «Общество друзей Румянцевского музея». Во время первой мировой войны князь вступил во Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. На дошедшей до нас фотографии 1915 г. он запечатлен в мундире этой организации, работавшей в тылу и занимавшейся госпиталями, санитарными поездами, беженцами и интендантскими поставками для армии. Первые четыре послереволюционных

Румянцевский музей. Фото начала XX в.

³⁸ ОР РГБ. Ф.85. К. 22. № 2. Л. 2–4.

³⁹ Записка Дмитрия Михайловича Голицына «Мой сын на войне» (ОР РГБ. Ф. 85. К. 22. № 1. Л. 11).

В.Н. Мешков. Портрет директора Румянцевского музея князя Василия Дмитриевича Голицына (1857–1926). 1914–1917 гг.

года Василий Дмитриевич продолжал руководить Румянцевским музеем в должности председателя Комитета служащих. Кроме того, в 1918 году его пригласили работать в Музейно-бытовую комиссию Моссовета, которая занималась обследованием усадеб, личных коллекций, библиотек и выдачей охранных грамот их владельцам. В 1921 г. Голицын был арестован чекистами, но вскоре отпущен без предъявления обвинения. После ареста, однако, он уже не возглавлял музей, а занимал должность заведующего художественным отделом Государственного Румянцевского музея, а после преобразований – Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. В 1926 г. был расстрелян большевиками.

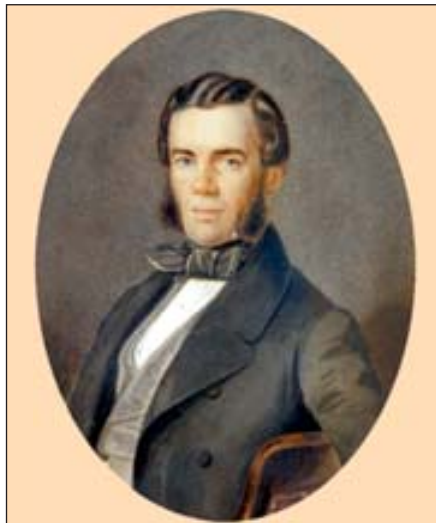
Михаил Михайлович (1830–1890), младший сын Михаила

Николаевича, как и его брат Дмитрий, учился дома, а затем поступил на военную службу⁴⁰. Он прошел через все войны, которые в это время вела Россия. 22-летним прапорщиком во время Крымской войны он воевал на Кавказе и участвовал в осаде и штурме Карса. В 1860-е гг. князь командовал 12-м конным полком кубанского казачьего войска, затем участвовал в русско-турецкой войне 1877–1888 гг., по окончании которой получил чин генерал-майора. Он был женат на **Вере Федоровне Хольцер (1848–1884)**, и от этого брака родились два сына – **Дмитрий (1867–1913)** и **Лев (1871–?)**, а также дочь **Вера (1869–?)**.

Старшая дочь Михаила Николаевича **Мария Михайловна (1829–1883)** вышла замуж за Льва Николаевича Волкова, а младшая – **Софья Михайловна (1834–1854)** умерла в юности.

Неизвестный художник. Портрет Марии Михайловны Волковой. 1860-е гг.

Неизвестный художник. Портрет Льва Николаевича Волкова. 1860-е гг.

Судьбы следующих поколений Голицыных были связаны с событиями послереволюционной русской истории, когда одна только аристократическая фамилия ставила на человека клеймо «враг народа». Многие из Голицыных оказались в эмиграции, некоторые были расстреляны⁴¹ или умерли в лагерях, но некоторые потомки «архангельских» Голицыных дожили до наших дней.

⁴⁰ Его изображения до нас не дошли. Сохранился лишь словесный детский портрет, сделанный Боденштедтом: «Младший, Михаил, имел такие великолепные глаза, что из-за них не замечались некоторые неправильности его лица. Он был самым способным из всех своих братьев, но ему не суждено было долго жить» (Воспоминания Фридриха Боденштедта // «Русская старина». 1887. № 5. С. 436). Последнее замечание ошибочно. Зная в это время о семье Голицыных лишь по слухам, Боденштедт, по-видимому, перепутал своего воспитанника со Львом Голицыным.

⁴¹ Как указывалось выше, в 1926 г. был расстрелян В.Д.Голицын, а в 1937 г. его сын Михаил Васильевич (1882–1937).

Часть 3. ГОЛИЦЫНСКИЕ УСАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЕ И НИКОЛЬСКОЕ-УРЮПИНО

Неизвестный художник. Портрет князя Николая Алексеевича Голицына (1751–1809). Начало XIX в.

¹ Исследователь подмосковных усадеб Ю.И.Шамурин писал: «Среди подмосковных Архангельское, бесспорно, самая прекрасная. <...> Как в венецианском Палаццо Дожей узнаешь мощь золотого века Венеции, несметную силу ее богатства и разгул ее творческих сил, так в Архангельском чувствуешь широкий размах старого барства, его любовь к земным благам, его отдаленность от окружающей жизни, его самовлюбленный эгоизм, и над этим всем его тонкую эстетическую культурность» (Шамурин Ю.И. Подмосковные. Т.1, М., 1912. С. 46).

Вторая половина XVIII в. — один из самых важных периодов в истории Архангельского, так как именно в это время усадьба приобрела тот облик, который выделил ее из многочисленных подмосковных помещичьих гнезд и который в основных чертах сохранился до наших дней¹. Строителем нового Архангельского стал внук «верховника» Николай Алексеевич Голицын. Он унаследовал от отца довольно благоустроенное имение с большим деревянным домом, великолепным садом и оранжереями. В деревне был конный завод и большая псарня: Алексей Дмитриевич любил позабавиться охотой. После смерти старого князя опекуны, которым необходимо было высылать крупные суммы за границу на обучение и путешествие молодого Голицына, из соображений экономии значительно сократили количество лошадей на заводе и совершенно упразднили все заведения, связанные с охотой. Дом же и сад содержались по-прежнему. Летом в Архангельское часто приезжала Анна, незамужняя сестра Николая Алексеевича. Она также провела в нем осень и зиму 1771 г., когда в древней столице свирепствовала эпидемия

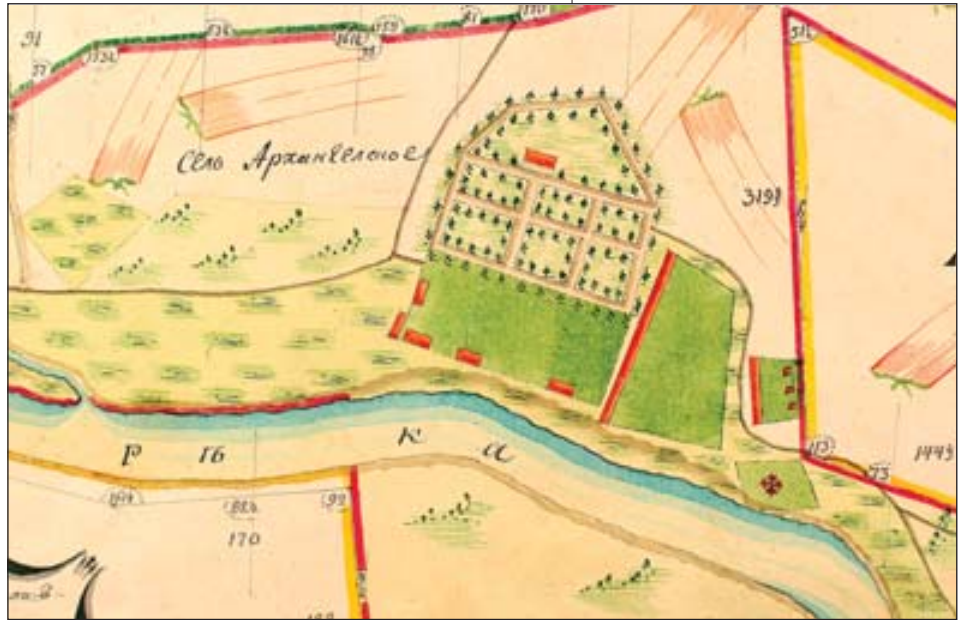

чумы. Удобный, хорошо выстроенный дом редко пустовал в летнее время. Когда им не пользовалась княжна, там жили родственники Голицыных или их знакомые². Сам молодой помещик, приехав в Москву со своим другом Григорием Павловичем Кондоиди в марте 1774 года, провел значительную часть времени не в городе, а в Архангельском³.

Однако патриархальная добротность старого дедовского имения не могла удовлетворить молодого князя, получившего образование в Европе и повидавшего там много замечательных загородных дворцов и замков. Сразу после приезда из-за

границы ему некогда было заниматься своей подмосковной: служба при дворе вынуждала жить в северной столице, и кроме того, до 1776 г. он был занят строительством петербургского дома⁴. Но мысль, что усадьбу необходимо как-то обновить, возникла вскоре после возвращения домой. Николай Алексеевич высказал ее дяде, вице-канцлеру А.М.Голицыну, в ненайденном пока письме, о существовании которого можно судить по ответу Александра Михайловича. «Я одобряю ваше намерение украсить Архангельское садами и постройками на английский манер», — писал он племяннику в октябре 1776 года⁵.

Осуществлять свои прожекты Николай Алексеевич начал позже. В 1777 г. он женился на Марии Адамовне Олсуфьевой, и вместе с молодой княгиней уехал за границу. Путешествуя по Европе, Голицын не забывал о своих планах. Еще во время вояжа 1770—1773 гг. он пристально приглядывался ко многим европейским усадьбам и паркам и даже интересовался планами некоторых из них. Сейчас же, когда впереди маячила перспектива переустройства его собственной подмосковной, интерес князя приобрел более прикладной характер. В Париже, например, он заказал французскому архитектору Герну проект будущего дворца в Архангельском⁶. К сожалению, в отличие от первого заграничного путешествия, второе

Межевой план Архангельского 1767 г. (фрагмент). Копия XIX в.

² В апреле 1771 г. московский опекун молодого Голицына Николай Михайлович писал вице-канцлеру: «О позволении Тамесу (банкиру, через которого пересылались деньги Николаю Алексеевичу - В.П.) жить в Архангельском на страстной неделе Николай Григорьевич Наумов мне говорил, что Тамес требует, чтоб туда весною съехать жить. <...> Через день прислала ко мне княжна Анна Алексеевна с тем, что она слышала, что я Архангельское отдал Тамесу, и что она сама туда переехать жить намерена. <...> Однако княжна осталась в Москве, а братцы вашего сиятельства туда изволили переехать» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7302. Л. 18).

³ Два года спустя он предлагал ушедшему в отставку вице-канцлеру поселиться там: «Если этим летом у вас появится желание провести какое-то время в Архангельском, прошу вас располагать моим домом как своим собственным» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7348. Л. 3 об.). Пер. с французского.

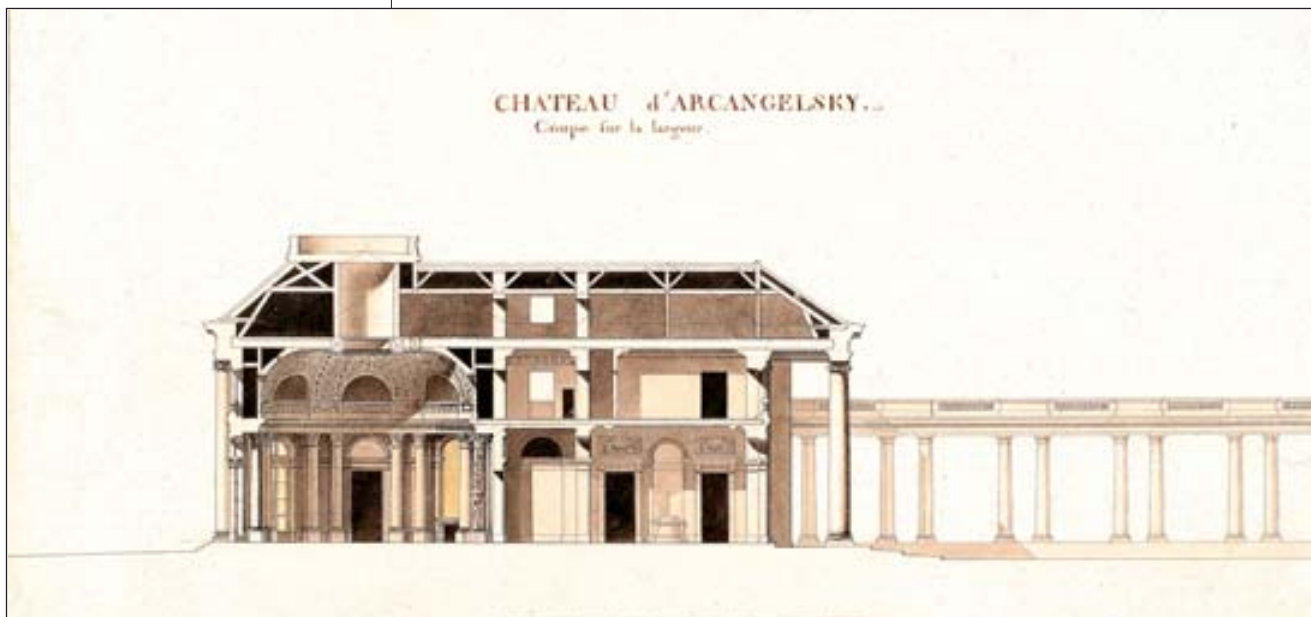
⁴ Николай Алексеевич не стал жить в доме, построенном его дедом на Васильевском острове, а купил участок и там возвел новое здание.

⁵ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 4330. Л. 31 об. Пер. с французского.

⁶ Об этом свидетельствует запись, сделанная 3 сентября 1780 г. в Книге расходов князя: «Архитектору Герну за план Архангельского - 1200 [ливров]» (примерно 300 рублей - В.П.). Пер. с французского (Livre de compte. ГМУА. № 16359).

Ф.Я. Алексеев. Вид на Воскресенские и Никольские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве. 1800-е гг.

Герн. Разрез дворца в Архангельском.
1780 г.

И.-З. Норберг. Описание гидравлической машины в Архангельском. СПб., 1787 г.

⁷ Livre de compte. ГМУ «Архангельское». Инв. № 16359. Запись от 24 августа 1780 года.

⁸ 26 сентября 1777 г. Николай Алексеевич писал вице-канцлеру из Лейпцига: «Через три года я вновь вернусь на родину, чтобы насладиться жизнью в моей усадьбе, так как, откровенно говоря, я совершенно не создан для службы при дворе» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7348. Л. 8).

⁹ Норбергу также принадлежал проект северной запруды на Горятинке, который был осуществлен позже, так как тогда эта земля еще не принадлежала Голицыну (Lettre sur la machine hydraulique d'Archangelsky. Traduite du Suedois. St. Petersburg, 1787. P. 10-19).

донесло до нас мало документов, и поэтому мы не знаем ни его точного маршрута, ни времяпрепровождения Голицыных. Весьма редкие письма были посланы ими из Лейпцига, Страсбурга, Рима и Парижа. Источники свидетельствуют, что часть времени княжеская чета посвящала осмотру достопримечательностей: даже в весьма скупой на подобную информацию Книге расходов сохранилась запись: «В Версале людям, которые показали нам Малый Трианон – 19 [ливров]»⁷. Страстно влюбленный восторженный молодой супруг, несомненно, получал удовольствие от приобщения жены к красотам, которые поразили его воображение в ранней молодости. К тому же знакомство с европейскими дворцами и парками предоставляло молодоженам неограниченные возможности для обсуждения проблем обустройства их будущего семейного гнезда⁸.

Голицыны вернулись из заграницы в конце 1780 г. и вскоре после этого занялись своей подмосковной. В августе 1783 г. князь привез в усадьбу шведского инженера Иоганна Эрика Норберга, который летом следующего года построил две плотины на впадающей в Москву-реку Горятинке. Образовавшиеся пруды служили резервуаром для работы двух гидравлических машин, которые с помощью системы деревянных труб снабжали водой парк, оранжереи, огород, конюшню, хозяйственные и жилые постройки. Это весьма дорогостоящее сооружение позволило хозяйину завести у себя еще одну диковинку для подмосковных усадеб того времени – фонтаны⁹.

"	1	de Mathieu	60	"
"		de Michel	60	"
"		de S ^{te} Amand	72	"
"		au bureau de memoire	30	"
"		au bureau Architecte pour le plan d'Arcangelsky	1200	"
"		au bureau de memoire	27	11
"		au boulevard et au cafe de conti	1	4
"	4	depuis pour plusieurs choses	12	"
"		au bureau	1	4
"	5	au cafe de conti	3	12

«Архитектору Герну за план Архангельского – 1200 [ливров]». Запись от 3 сентября 1780 г. в Книге расходов князя Н.А.Голицына. Пер. с французского

В том же 1784 г. началось строительство дворца¹⁰. В его основу был положен упомянутый выше проект Герна. Надо заметить, что попытки исследователей выяснить что-нибудь о пребывании французского архитектора в России, не привели к положительным результатам. Скорее всего, работы велись под руководством другого зодчего, и не исключено, что тот внес некоторые изменения в первоначальный проект. Но кто бы ни построил дворец в Архангельском, это был мастер, хорошо знакомый с принципами архитектуры классицизма, а также с прекрасным чувством меры и красоты. Это небольшое и чрезвычайно лаконичное по своему архитектурному решению здание всегда удостоивалось самой высокой оценки историков искусства¹¹. Несмотря на многие, более поздние переделки в усадьбе, оно дошло до наших дней почти без изменений. Были перестроены лишь примыкающие к нему флигели: в голицынский период парадный двор был открытым, и сквозная колоннада завершалась одноэтажными зданиями (одно из которых использовалось под театр, а второе — под кухню). Благодаря этому вся постройка выглядела более стильной, легкой и изящной. Дворец изобилует выходами, что было сделано преднамеренно, чтобы «слить его интерьеры с воздушным объемом парка»¹². Такая связь внутренних покоев с окружающей природой, подчеркивающая загородный характер дома, предусматривалась для обоих этажей: почти всем наружным дверям внизу соответствовали двери, ведущие на балконы, наверху. Кроме того, галерея, устроенная над колоннадой двора и соединенная с балконами второго этажа, предоставляла возможность гулять и любоваться окрестностями, не спускаясь в парк¹³.

Как выглядел дворец изнутри, мы не знаем, но по тому, что нам известно о владельце, можно с уверенностью сказать, что он был отделан и обставлен с большим вкусом. Общее представление о приемах и предпочтениях Голицына в оформлении внутренних покоев могут дать сохранившиеся почти в нетронутom виде интерьеры Белого домика в Никольском-Урюпине. Дворец, конечно, был наполнен произведениями искусства. Еще во время первой поездки за границу Николай Алексеевич покупал живописные работы, скульптуру и просто

Закладная доска дворца в Архангельском. 1784 г. Обнаружена в 2003 г. при проведении реставрационных работ

Два десюдепорта из Золотого зала Белого домика в Никольском-Урюпине

¹⁰ Точная дата начала строительства дворца стала известна только в 2003 г., когда реставраторы нашли закладную доску.

¹¹ «Сравнительно небольшой дворец Архангельского не наряден, но в его скромном облике много благородного вкуса и культурного понимания красоты. <...> Изысканный аристократизм, сквозящий в каждой детали дворца, равняет его с лучшими петербургскими дворцами Екатерининского века» (Шамурин Ю.И. Подмосковные. Т.1, М., 1912. С. 41); «Нигде так удачно не выразился величаво-благородный стиль того времени, нигде так русские копии не приблизились к своим западным образцам» (Вениаминов Б. Архангельское // Мир искусства, 1904, № 2. С. 31).

¹² Торопов С.А. Архангельское. М., 1928. С. 17.

¹³ Галерея с балюстрадой над западной колоннадой парадного двора видна на портрете Н.А.Голицына, написанном в 1800-е годы. Возможно, кровли флигелей тоже были приспособлены под гульбище.

Дворец в Архангельском. Южный фасад

красивые вещи. Выехав из России во второй раз с молодой женой и строя планы переустройства своей «сапрагне», как князь называл Архангельское, он, несомненно, продолжал приобретать работы различных мастеров. Его уже не стесняла необходимость получать разрешение опекунов, и очевидно, покупка велась с большим размахом. К сожалению, до нашего времени дошло слишком мало из того, что юристы называют движимым имуществом. После продажи усадьбы все это не могло быть вывезено в скромное Никольское-Урюпино. Скорее всего, большая часть внутренней обстановки была продана княгиней или вывезена в петербургский и московский дома¹⁴.

Канделябр с фигурой египтянки.
Петербург. Начало XIX в.

Канделябр с фигурой Ники.
Париж. 1790-е гг.

¹⁴ М.А. Голицына продала самые ценные рукописи из Архангельской библиотеки. Факт этой продажи легко устанавливается по сохранившимся экслибрисам. Из архивных документов известно также, что садовник Деруси купил все растения из ананасной оранжереи (Безсонов С.В. Архангельское. М., 2001. С. 113). Выявить следы других вещей, проданных или увезенных из усадьбы в начале XIX века, не представляется возможным.

Одновременно со строительством дворца велись работы по переустройству парка. Чертежи, сохранившиеся в архиве Голицыных, донесли до нас имя автора проекта двух террас перед южным фасадом дворца — Джакомо Тромбара¹⁵. Анализ общей планировки парка, который «тремя террасами, по примеру итальянских вилл, спускается к обрыву над старым руслом Москвы-реки»¹⁶, наводит на мысль, что итальянский архитектор не только оформил холм, где стоит дворец, но оказал значительное влияние на замысел в целом. Это тем более вероятно, что отношения между ним и князем не ограничивались отношениями заказчика и исполнителя: известно, что они вместе путешествовали по югу России. В результате этого творческого содружества Архангельское получило свое «лучшее украшение»¹⁷. Плато двух верхних террас разрезали аллеи, дорожки, газоны, оно было обнесено балюстрадой и украшено скульптурой. Подпорная стена у основания второй террасы при Голицыных, как и сейчас, дробилась сдвоенными рустованными пилястрами, увенчанными парными бюстами античных полководцев и героев. Однако в пространстве между ними были не нынешние гладкие стены, а бюсты в нишах, над которыми располагались вытянутые барельефные панно. Эти две террасы служили своеобразным постаментом, и со стороны Москвы-реки воспринимались «как грандиозный стилобат несущий величественное здание дворца»¹⁸.

Обширная третья терраса, доходящая до самого обрыва над Москвой-рекой, вместила в себя регулярный французский парк с его необычайно большим партером. В конце XVIII в. такие парки уже считались анахронизмом¹⁹, но мы знаем, что Николай Алексеевич начинал свои работы не на пустом месте, и, возможно, ему хотелось сохранить что-то от привычной с детства дедовской усадьбы. Необходимо также заметить, что в этом смысле Архангельское не является исключением. Классические сады продолжали разбивать во многих имениях Европы и России и в период расцвета ландшафтных парков. Они, строго говоря, никогда полностью не исчезали. Когда живописные пейзажи стали преобладать над геометрическими формами и стриженными деревьями, регулярная часть усадебных парков стала играть роль «естественного перехода от архитектуры к природе»²⁰.

На краю обрыва были симметрично поставлены две оранжереи, устройство которых несколько отличалось от аналогичных построек в других подмосковных усадьбах: их стеклянные стены располагались между двумя каменными кубическими павильонами, тогда как обычно подобный павильон строился в центре²¹. Один из павильонов восточной оранжереи можно увидеть на рисунке 1786 г., который сохранился в семье Голицыных и в настоящее время находится в фондах музея «Архангельское». На этом же рисунке на втором плане видны так называемые «Римские ворота». Этот «любопытнейший архитектурный каприз»²² был данью модному в то время увлечению

Вид на террасы у дворца

¹⁵ Тромбара Джакомо (Яков Антонович) (1750–1811) итальянский архитектор, приехавший в Россию по приглашению Екатерины II вместе с Кваренги в н. 1780 г. В к. 1790-х гг. после путешествия с Н.А.Голицыным по югу России он был обвинен в шпионаже. Несмотря на заступничество Голицына и Куракина, его отстранили от службы. В 1799 г. получил назначение на должность архитектора в Крыму (Мюллер А.П. Быт иностранных художников в России. Л., 1927. С. 104).

¹⁶ Греч А.Н. Архангельское // Подмосковные музеи. М.–Л., 1925. С. 12.

¹⁷ Шамурин Ю.И. Подмосковные. Т.1, М., 1912. С. 45. «Здесь везде искусство, везде разумная человеческая мысль, умеющая извлекать из природы скрытую в ней красоту», – добавляет автор.

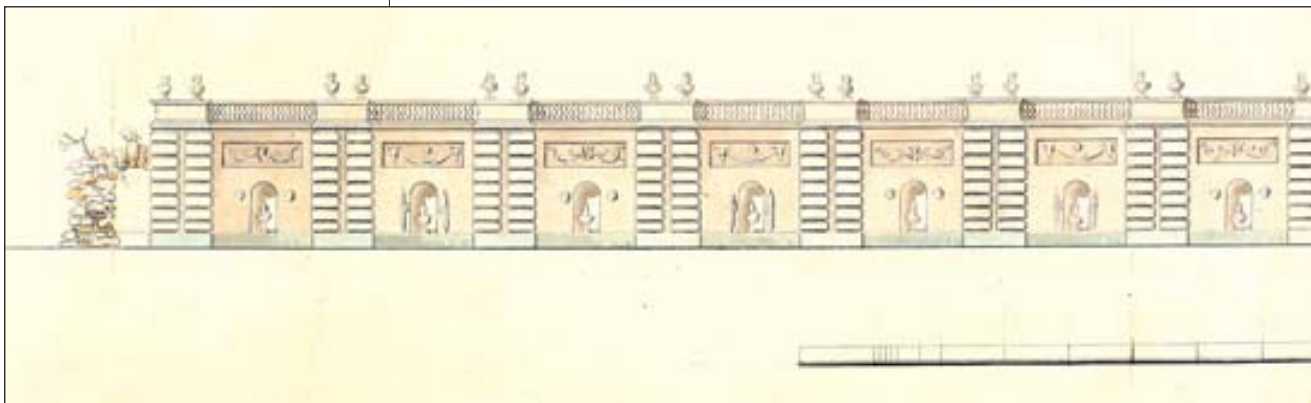
¹⁸ Тихомиров Н.Я. Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955. С. 172.

¹⁹ «Запоздалым в Архангельском представляется его дивный парк с террасами и партером, со статуями и шпалерами. Это уже не французский «регулярный» сад, а декорация перво-разрядной итальянской виллы. Но в данном случае указание на запоздалость меньше всего, конечно, является упреком» (Шамурин Ю.И. Подмосковные. Т.1, М., 1912. С. 38).

²⁰ Лихачев Д.С. Поэзия садов. Л., 1982. С. 289.

²¹ Торпов С.А. Подмосковные усадьбы. М., 1947. С. 24.

²² Шамурин Ю.И. Подмосковные. Т.1, М., 1912. С. 44. «Несомненно, что художника или же хозяина имения пленял контраст, создаваемый полуразвалившимися воротами и расположенной за ними блестящей усадьбой» (Там же. С. 45).

Подпорная стена нижней террасы. 1800-е гг.

античными руинами. Ворота были специально построены в подражание древнеримским памятникам так, что создавалась иллюзия сооружения, разрушенного временем. Их непропорционально короткие колонны указывают на то, что неизвестный нам архитектор хотел воспроизвести античный памятник таким, каким мог видеть его в XVIII в., будто он был наполовину скрыт толстым наростом культурного слоя²³.

В результате умелой и оригинальной планировки террас возник удивительный, вызывающий иллюзию бесконечной перспективы визуальный эффект, который Ю.И.Шамурин назвал «очаровательной игрой пространством»²⁴. Этот эффект усиливался видом на луга, простирающиеся за Москвой-рекой. Сама река тоже стала объектом грандиозных работ по переустройству усадьбы. На приведенном выше Межевом плане 1767 г. (см. стр. 46) видно, что она показана сразу под обрывом, в то время как на планах начала XIX в. протекает на некотором расстоянии от него. Изменился также изгиб ее русла. Это наводит на мысль, что Москву-реку сдвинули к югу, существенно расширив при этом площадку на берегу и образовав таким образом довольно обширную четвертую террасу²⁵. Планы начала XIX в. и сохранившийся рельеф позволяют предположить, что на территории этой самой нижней террасы и на северо-запад от нее был разбит пейзажный парк. Такое предположение подтверждается и другими источниками. Упомянутый выше шведский инженер Норберг писал, что устраиваемые им на речке Горятинке пруды предназначались не только для приведения в движение гидравлической машины и пильной мельницы, но и для того, чтобы украсить английский парк, который хозяин предполагал там разбить²⁶.

Замечание, сделанное Норбергом в 1785 г., дает возможность определить месторасположение прекрасных садов, которыми 20 лет спустя восхищался Н.М.Карамзин, и которые, по его оценке, «вкусом и великолепием <...> могли удивить самого британского лорда». Будучи любителем прогулок по Подмосквовью, знаменитый историк посетил и Архангельское. Он писал о своих впечатле-

²³ «Руинные ворота – результат восторгов сентиментальной эпохи перед ушедшими чарами классики. <...> Они воспроизводят якобы одну из действительных руин Рима. В те времена большинство последних скрылось почти до половины в накопившуюся веками насыпь. Их верхние части обычно разрушены и временем и людьми. И то, и другое учтено в архитектуре этой арки. Она тоже наполовину в земле, и будто бы временем разрушен ее прекрасный карниз. Это одна из великолепных и монументальных затей, осуществленных Юсуповым (ошибка автора – В.П.)» (Торопов С.А. Архангельское. М., 1928. С. 52).

²⁴ Шамурин Ю.И. Подмосковные. Т.1, М., 1912. С. 38. «Архангельское все искусственно, всем обязано художественному творчеству. Само местоположение никаких эффектов не давало и пейзажных красот не представляет, точнее, не представляло в то время, когда разбивалась усадьба» (Там же. С. 40).

²⁵ На рисунке восточного оранжерейного корпуса 1786 г. Москва-река также показана непосредственно под обрывом. Возможно, перемещение реки было связано и с чисто практическими соображениями: она подмывала берег, что представляло угрозу для построек, поставленных на обрыве.

²⁶ Норберг, рассказывая о достоинствах своего проекта, писал: «Кроме того, пруд украсит это место, предназначенное для парка в английском стиле (jardin à l'anglais), и благодаря новой машине, которую собираются построить, в парке будет вода». Пер. с французского (Lettre sur la machine hydraulique d'Archangelsky. Traduite du Suedois. St. Petersburg, 1787, p. 18).

Вид на восточный оранжерейный корпус и Римские ворота. 1786 г.

ниях в 1803 году: «Рощи, где дикость природы соединяется с удобствами искусства, и всякая дорожка ведет к чему-нибудь приятному — или к хорошему виду, или к обширному лугу, или к живописной дичи — наконец, заступают у нас место так называемых правильных садов, которые ни на что не похожи в натуре и совсем не действуют на воображение»²⁷. Карамзин был не единственным современником, свидетельствовавшим, что в усадьбе при Голицыных существовал пейзажный парк. Переводчик поэмы Жака Делиля «Сады» А.Ф.Воейков, дополнивший это произведение стихами о русских парках, писал:

В Архангельском сады, чертоги и аллеи,
Как бы творение могущей некой феи,
За диво бы почли и в Англии самой²⁸.

Так как, по мнению Воейкова, описываемые им красоты могли поразить воображение англичан, то можно не сомневаться, что в Архангельском его внимание привлек именно английский парк. Примечательно также, что поэт в

Вид из дворца на партер и оранжереи над обрывом. Фото 1904 г.

Руины «Римские ворота». Фото 1904 г.

²⁷ Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя // Сочинения Карамзина, т.8, СПб., 1835. С. 144. Принимая во внимание, что Карамзин был большим противником и критиком регулярных парков, в Архангельском его привлек именно английский парк. Упоминание «британского лорда» лишним раз свидетельствует в пользу этого предположения.

²⁸ Сады или искусство украшать сельские виды. Сочинение Делиля. Перевел Александр Воейков. СПб., 1816. С. 19. Хотя перевод Воейкова вышел, когда Архангельское уже принадлежало Н.Б.Юсупову, совершенно очевидно, что английский парк невозможно было разбить за такой короткий срок, учитывая, к тому же, войну с Наполеоном. Поэт начал свою работу в 1806 г., а приведенные выше строки впервые были опубликованы в апреле 1813 г. (Описание русских садов // Вестник Европы. 1813. № 7–8. С.193). Для читателей, незнакомых с Архангельским, автор сделал сноску, которая однозначно указывает, когда он видел усадьбу: «В 17 верстах от Москвы по Воскресенской дороге, село, принадлежащее князю Н.А.Голицыну».

Вид на Лохин остров

своем произведении расположил российские парки в иерархическом порядке: сначала царские, а затем частновладельческие; при этом из всех упомянутых им усадеб русской знати о голицынской сказано в первую очередь. Исследователь подмосковной усадебной архитектуры Ю.И. Шамурин, который видел Архангельское в начале XX века, считал, что позднейшие дополнения ничем не нарушили его основного плана. Он писал: «В Архангельском не только нет ничего лишнего, но и старательно продумана каждая деталь, каждый уголок усадьбы. Единство плана в расположении строений делает усадьбу цельным художественным произведением, эффект которого одинаково создается всеми частями»²⁹. Этот отзыв замечательно перекликается с тем, что за сто лет до Шамурина писал Карамзин.

Площадка на берегу Москвы-реки (четвертая терраса)

²⁹ Шамурин Ю.И. Подмосковные. Т.1, М., 1912. С. 38.

Проект росписи плафона в «Капризе»

В западной части регулярного парка был устроен комплекс, получивший название «Каприз», который сам по себе образовывал миниатюрную усадьбу в усадьбе. Там стоял небольшой одноэтажный жилой дом, дошедший до наших дней сильно переделанным³⁰. С севера к нему под прямым углом прилегалo вытянутое деревянное здание библиотеки, центральный кирпичный павильон которого был увенчан куполом. Два деревянных крыла этой постройки сторели в 1829 г., и сейчас осталась лишь центральная кирпичная часть. Это, пожалуй, единственное здание в усадьбе, сохранившее замечательный интерьер XVIII в. с красивыми коринфскими колоннами и великолепным кессонированным сводом купола³¹. Изолированность комплекса подчеркивалась решетчатой железной оградой с тридцатью каменными столбами, увенчанными мраморными вазами. Внутри был разбит небольшой садик с цветочным партером, в центре которого стояла статуя Амура с луком³².

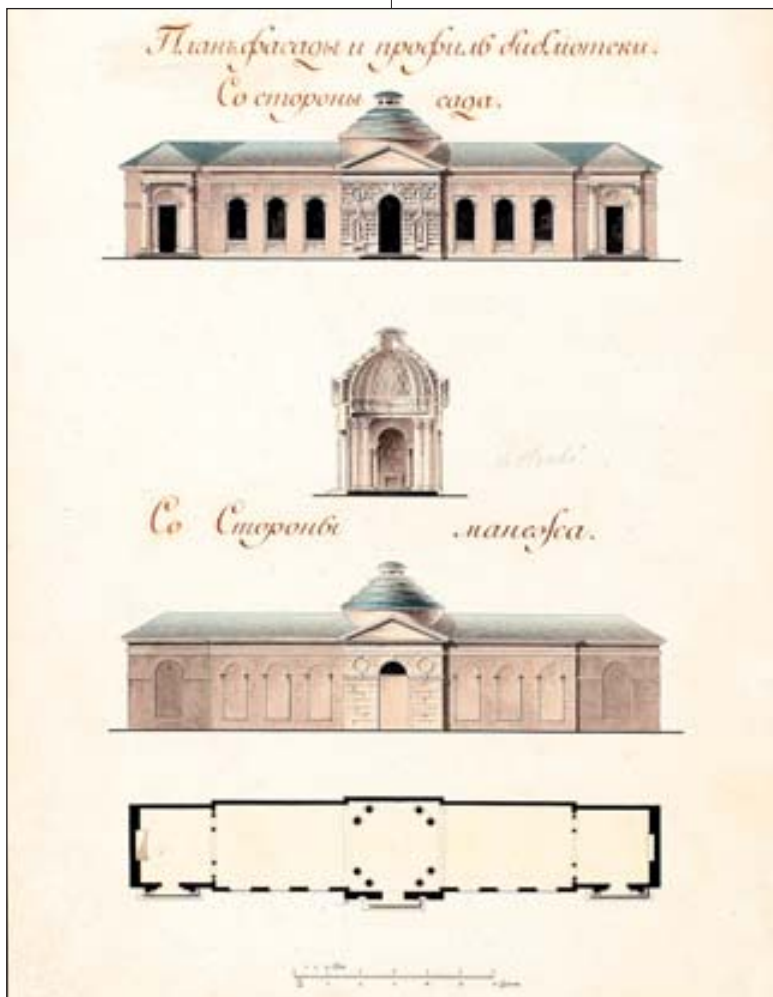
Традиция, основанная на весьма ненадежном источнике, приписывает создание «Каприза» ссоре супругов Голицыных и желанию княгини жить отдельно³³. Однако эта версия не выдерживает критики. Как и многие представительницы русской аристократии того времени, Мария Адамовна не получила никакого образования, и поэтому библиотека ей была совершенно не нужна. Еще труднее связать интересы княгини с входившим в комплекс манежем. «Каприз» был создан либо для самого Николая Алексеевича как место, где можно было уединиться и предаться любимым занятиям, либо для его сыновей, которые, в отличие от отца, получили образование не в европейских университетах, а дома. В этой миниатюрной усадьбе была как бы воссоздана обстановка, окружавшая Николая Алексеевича в Страсбурге, где кроме наук он осваивал искусство верховой езды, фехтования, брал уроки танцев, музыки и рисования. Верховая езда входила в воспитательную программу и младших Голицыных, на что указывает письмо князя в Архангельское к шестилетнему сыну Мише: «Как у вас дела, мой друг? Ходили ли вы на прогулку? Занимались верховой

³⁰ А.Н.Греч полагал, что при Голицыных это здание было такой же изысканной затеей, как Белый домик в Никольском-Урюпине: «К сожалению, не сохранилось в прежнем виде подобное сооружение в самом Архангельском, когда-то построенный здесь павильон Каприз» (Греч А.Н. Архангельское // Подмосковные музеи. М., 1925. С. 21). Сохранившийся эскиз росписи плафона с его причудливыми сюжетами в какой-то мере подтверждает эту гипотезу. Четыре замечательные ионические колонны и карниз «Каприза» были использованы Юсуповым при сооружении храма-беседки Екатерины II (Безсонов С.В. Архангельское. М., 2001. С. 37).

³¹ Этот павильон получил у Юсуповых название «Чайный домик». С.А. Торопов писал об интерьере: «Его внутреннее убранство – тончайшая архитектурная выдумка. Кессонированный купол великолепен и по композиции, и по выполнению» (Торопов С.А. Архангельское. М., 1928. С. 50).

³² Безсонов С.В. Архангельское. М., 2001. С. 64.

³³ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л., 1989. С. 173. Надо заметить, что Голицыны могли изыскать более удобные способы для раздельной жизни: кроме московского и петербургского домов у них еще были загородные резиденции в подмосковных селах Богородском и Никольском-Урюпине.

Дж. Петонди. (?) План, фасад и профиль библиотеки в усадьбе Архангельское. Конец XVIII в.

ездой? Играли на скрипке? Не забыли ли что-нибудь? Вот вам мои вопросы»³⁴.

Входящее в комплекс «Каприз» здание библиотеки было специально построено для того, чтобы перевезти туда знаменитое книжное собрание, доставшееся Николаю Алексеевичу от деда. Надо заметить, что библиотека Дмитрия Михайловича обрела в лице его внука благодарного владельца. Сильно пострадал во время конфискации, она, тем не менее, оставалась одной из лучших в России. Младшего сына «верховника», Алексея Дмитриевича, она не особо интересовала: после возвращения из Канцелярии конфискации вплоть до начала 1770-х гг. книги не были разобраны и хранились в тех самых сундуках, в которых были вывезены в Петербург в 1739 году. Однако есть свидетельства, что и в этот период ею пользовались некоторые исследователи. Например, историк М.М.Щербатов, по его собственному признанию, опубликовал одну из летописей по «экземпляру, хранящемуся в библиотеке князя Алексея Дмитриевича Голицына»³⁵. Воспитатель молодого князя Николая, француз Гернандес, тоже имевший доступ к библиотеке, назвал ее «сокровищем», подобного которому нигде больше в Москве не сыскать. Сам Николай Алексеевич, будучи еще подростком, пытался «привести книги в порядок», но его отъезд за границу прервал это занятие. В Страсбурге юноша не забыл о своем собрании: намереваясь его пополнить, он попросил опекунов составить и выслать

ему каталог. Именно тогда книги, наконец, были вынуты из сундуков и расставлены по шкафам, а московский опекун князя Н.М.Голицын привлек к работе по их систематизации известного историка Г.-Ф.Миллера³⁶.

³⁴ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 11. № 1. Л.55-56 об. Пер. с французского.

³⁵ РГАДА. Ф. 199. Портфель 546. Оп. 2. Ч. 9. № 17. Л. 47. Пер. с французского. Речь идет об издании: «Царственный летописец, содержащий российскую историю от 6622/1114 году, то есть от начала царствования великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха до 6980/1472, то есть до покорения Новгорода под власть великого князя Василья Ивановича после учиненного бунту в Новгороде происками Марфы Посадницы и ее детей». СПб., при Императорской Академии наук, 1772.

³⁶ Парушева В.Г. К вопросу о создании описи Архангельской библиотеки 1770 года // «Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы XI Голицынских чтений». Большие Вязёмы, 2004.

Письмо историка М.М.Щербатова к историку Г.-Ф. Миллеру от 17 декабря 1772 г.

«...Через несколько дней я буду иметь честь послать вам русские летописи, которые я напечатал по экземпляру, находящемуся в библиотеке Алексея Дмитриевича Голицына». Пер. с французского

Царственный летописец. СПб., 1772. Титульный лист книги, напечатанной историком М.М.Щербатовым по рукописи из Голицынской библиотеки

Во время своего первого и второго пребывания за границей Николай Алексеевич приобрел много новых печатных изданий. Суммы, выплаченные за них, часто мелькают в отчетах его гувернера, а также в упоминавшейся выше Книге расходов. Среди этих записей привлекает внимание покупка во Франции полного собрания Энциклопедии в 33 томах³⁷. После возвращения домой князь продолжил комплектование библиотеки и не пожелал с ней расстаться, когда в начале 1780-х гг. получил предложение от Миллера продать ее в формирующееся тогда собрание при Московском архиве Коллегии иностранных дел³⁸. Насколько высоко наследник ценил дворовские рукописи и печатные издания, можно судить по тому факту, что, благоустроявая Архангельское, он заказал итальянскому архитектору Джованни Петонди специальное здание³⁹. Когда строительство закончили, и были изготовлены шкафы, князь перевез библиотеку из московского дома в усадьбу⁴⁰. Именно в этот период она получила название «Архангельская», так как на книги был наклеен знаменитый экслибрис «Ex Bibliotheca Arcangelina». Тогда

Центральный павильон бывшего здания библиотеки Голицыных («Чайный домик»)

Каталог книг на иностранных языках из «Архангельской» библиотеки

Черновик письма историка Г.-Ф. Миллера к князю Н.М. Голицыну с просьбой похлопотать о продаже «Архангельской» библиотеки в библиотеку архива Коллегии иностранных дел. 1780-е гг.

же Николай Алексеевич собирался вновь каталогизировать собрание. Об этом свидетельствует сохранившийся большой том форматом in folio, специально приготовленный для записи иностранных книг в алфавитном порядке. На его крышке вытиснено название: «Cat. Ex Bibliotheca Arcangelina»⁴¹. Однако, туда ничего не успели записать. Вероятно, начатая работа прервалась из-за болезни или смерти князя. Продав Архангельское, Мария Адамовна также продала наиболее ценные рукописи из библиотеки известному собирателю графу Ф.А.Толстому.

³⁷ Livre de compte. ГМУА. № 16359. Запись от 18 марта 1780 г.

³⁸ Миллер предлагал за голицынское собрание все деньги, которые императрица выделила на создание библиотеки при Архиве Коллегии иностранных дел. См. Парушева В.Г. Переписка Н.М.Голицына (1729–1799) с историком Г.-Ф.Миллером // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы XII Голицынских чтений. Большие Вязёмы, 2005.

³⁹ Хотя до сих пор проект Архангельской библиотеки приписывали Ф.И.Петонди, потомок итальянского архитектора, Р.В.Арсеньева, довольно убедительно доказала, что в Архангельском работал отец Фомы Ивановича Джованни Петонди (ок. 1750–1813) (Арсеньева Р.В. Итальянцы в России или история семейства Петонди // Московский журнал. 2002, № 3).

⁴⁰ До сих пор в литературе существовало мнение, что библиотека попала в Архангельское при «верховнике», однако, эпистолярные документы середины XVIII в. свидетельствуют, что при Дмитрие Михайловиче она находилась в Московском доме Голицыных (Парушева В.Г. К вопросу о создании описи Архангельской библиотеки 1770 года // «Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы XI Голицынских чтений». Большие Вязёмы, 2004).

⁴¹ Боленко К.Г., Дозорова Н.И. К вопросу о датировке экслибриса «Ex Bibliotheca Arcangelina» // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы XII Голицынских чтений. Большие Вязёмы, 2005. С. 290–291.

Книги из «Архангельской» библиотеки с экслибрисами конца XVIII-XIX вв.

Возможно, та же участь постигла и некоторые печатные книги. Оставшаяся часть собрания была увезена в Никольское-Урюпино, где хранилась до национализации усадьбы.

Существует мнение, что после ухода в отставку в 1798 г. создатель Архангельского якобы остыл к своему замыслу и прекратил работы в усадьбе. Эту мысль впервые высказал С.В.Безсонов, основав ее на довольно туманной легенде, повествующей, что Голицын создал «подмосковный Версаль» из желания угодить великому князю Павлу Петровичу, после того как тот увидел и восхитился настоящим Версалем⁴². Рассказавший эту легенду Б.Вениаминов, сослался на «семейные предания собственников Архангельского», которых он посетил в 1904 году. Как известно, усадьба в это время принадлежала Юсуповым, и не совсем ясно, почему именно они хранили предания, связанные с чужой семьей⁴³. Основываясь на ненадежной посылке, Безсонов сделал вывод необязательно из нее следующий: отставному придворному больше не было нужды угождать императору, и он «охладел к постройке».

Однако анализ источников показывает, что работы в усадьбе не прервались в 1798 г., а продолжались вплоть до начала XIX в., то есть до самой смерти ее создателя. Например, львы, охраняющие многочисленные входы во дворец, не могли быть заказаны раньше этого времени, так как они стилизованы под древнеегипетскую скульптуру, вошедшую в моду только после похода Наполеона в Египет⁴⁴. Кроме того, известно, что в октябре 1809 г., то есть за два месяца до кончины Николая Алексеевича, его тринадцатилетний сын Михаил выдал архитектору И.О.Петонди (Джованни в России превратился в Ивана Осиповича) аттестат. Это значит, что зодчий, построивший библиотеку и, возможно, весь комплекс «Каприз», работал в Архангельском до самой смерти его хозяина⁴⁵. Очевидно, будучи осведомленным о намерениях княгини продать имение, он стал искать себе другую работу. И самое главное, на единственном дошедшем до нас живописном портрете Николай Алексеевич изображен на фоне своей любимой

Однако анализ источников показывает, что работы в усадьбе не прервались в 1798 г., а продолжались вплоть до начала XIX в., то есть до самой смерти ее создателя. Например, львы, охраняющие многочисленные входы во дворец, не могли быть заказаны раньше этого времени, так как они стилизованы под древнеегипетскую скульптуру, вошедшую в моду только после похода Наполеона в Египет⁴⁴. Кроме того, известно, что в октябре 1809 г., то есть за два месяца до кончины Николая Алексеевича, его тринадцатилетний сын Михаил выдал архитектору И.О.Петонди (Джованни в России превратился в Ивана Осиповича) аттестат. Это значит, что зодчий, построивший библиотеку и, возможно, весь комплекс «Каприз», работал в Архангельском до самой смерти его хозяина⁴⁵. Очевидно, будучи осведомленным о намерениях княгини продать имение, он стал искать себе другую работу. И самое главное, на единственном дошедшем до нас живописном портрете Николай Алексеевич изображен на фоне своей любимой

⁴² Безсонов С.В. Архангельское. М., 2001. С. 19.

⁴³ Вениаминов Б. Архангельское // Мир искусства, 1904, № 2. С. 31–32. Надо заметить, что автор признавал свою неосведомленность в вопросах истории усадьбы. «Ж сожалению, время не позволило сделать нам более обстоятельных изысканий о постройке Архангельского, — пишет он в статье. — Голицынский архив, в котором могли найтись сведения о нем, хранится в недоступной в зимнее время деревне — в соседнем Архангельскому Никольском». Добавим, что легенда о причастности Павла I к созданию Архангельского возникла задолго до того, как ее поведал Вениаминов. Е.Н.Серчевский еще в середине XIX в. писал, что дворец был построен «по планам, присланным князю Николаю Алексеевичу императором Павлом Петровичем из Италии» (Серчевский Е.Н. Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. С. 219). Это совершенно фантастическое заявление наводит на мысль, что создателям легенды просто по каким-то причинам хотелось связать строительство усадьбы с августейшим семейством.

⁴⁴ Мраморные львы трактованы «в гранево-плоскостной манере с особым схематизмом, порожденным техникой рубки очень твердого камня, — подражание древнеегипетской, и вошедшей в Европу в употребление после Египетской экспедиции Наполеона» (Торопов С.А. Архангельское. М., 1928. С. 17).

⁴⁵ Арсеньева Р.В. Итальянцы в России или история семейства Петонди // Московский журнал, 2002, № 3. С. 25. Из приведенного факта автор статьи делает вполне резонный вывод о своем герое: «Строительство в Архангельском было прервано неожиданным, пришлось срочно искать новую работу».

Один из восьми львов, установленных перед входными дверями во дворец. Начало XIX в.

усадьбы. Его прическа и костюм указывают, что картина была написана в Александровское время, вероятно, незадолго до смерти. Не стал бы князь заказывать портрет на фоне подмосковной, к которой «охладел».

С другой стороны, у нас нет ни малейших оснований приписывать инициативу создания Архангельского Павлу I. Как указывалось выше, Николай Алексеевич намеревался обустроить свое имение задолго до того, как Павел побывал в Европе⁴⁶. К тому же, для вдохновения ему не нужны были чужие впечатления. Он провел в Версале гораздо больше времени, чем наследник русского престола, регулярно присутствуя при церемонии выхода короля Людовика XV и посещая балы при дворе дофина. Париж и его окрестности были не единственным местом, где Голицын мог познакомиться с европейской архитектурой и искусством.

Одна из четырех львиц, установленных перед входными дверями во дворец. Начало XIX в.

В общей сложности он провел за границей десять лет. Значительную часть этого времени князь прожил в Италии и Франции. Он также посетил много германских княжеств, путешествовал по Швейцарии, Голландии, Англии, Швеции. И это был не просто развлекательный вояж. Молодой аристократ целенаправленно изучал архитектуру городов и загородных имений, осматривал художественные и естественноисторические коллекции, знакомился с художниками, скульпторами, архитекторами и брал у них уроки. Об этом до настоящего времени почти ничего не было известно, и «безликость» создателя усадьбы приводила к тому, что исследователи Архангельского лишь вскользь упоминая его имя, выдумывали легенды или строили догадки, порой окрашивая их в мистические цвета⁴⁷.

Сейчас нам кое-что известно об образовании, темпераменте и жизни этого человека⁴⁸. Дневник, который вел юный Голицын, путешествуя по Европе, дает возможность судить о становлении его художественных вкусов, а дошедшие до нас эпистолярные документы рисуют образ эмоционального, безоглядно увлекающегося человека. Из этих же источников мы узнаем, что князь любил красивые вещи и мог оценить их художественные достоинства. Он также умел восхищаться красотами природы, как естественными, так и созданными искусными европейскими садоводами. С другой стороны, как и многие люди такого склада, Николай Алексеевич не был рачительным хозяином и часто делал долги. Это обстоятельство тормозило реализацию идей, порождаемых его безудержной фантазией. Еще одним препятствием было с юных лет слабое здоровье и довольно ранняя смерть — он умер в 1809 г., когда ему было только 58 лет.

Канделябр напольный в виде фигуры египтянки. Франция. Конец XVIII в.

⁴⁶ Николай Алексеевич вынашивал планы обновления Архангельского еще в 1776 г., а план дворца заказал в 1780 году. Павел же побывал в Версале в 1782 году.

⁴⁷ «Всю эту сияющую красоту создал, в е л е с о з д а т ь (разрядка автора - В.П.) один человек. Создал не для Бога, не для людей, а для себя, для своей радости. В душе этого величественного человека кроется загадка; она тревожит все время, пока думаешь об Архангельском, его прошлом, его создателях и судьбах. Тот, кто обладал силой и властью, чтобы создать для своего удовольствия это волшебное царство, как смотрел он на себя, на свое человеческое тело, что думал наедине с собой? Считал ли себя избранником, обреченным высшей силой на счастье, власть, на величие или же, затаив надменную улыбку, благословлял невежество и покорность своих рабов?» (Шамурин Ю.И. Подмосковные. Т.1, М., 1912. С. 46).

⁴⁸ Парушева В.Г. Н.А.Голицын и его усадьбы Архангельское и Никольское-Урюпино. // «Красногорье». Историко-краеведческий альманах, № 6,7,8. Красногорск, 2002-2004.

Письмо князя Н.А. Голицына к сыну Михаилу из Павловска. 17 мая 1802 (?) г.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 11. № 1. Л. 41. Александр I не поставил резолюции на этом прошении, а вернул его князю для «предъявления в надлежащем судебном месте». Вероятно, этот документ так и остался неутвержденным, и поэтому после смерти Николая Алексеевича всем его имуществом стала распоряжаться Мария Адамовна, хотя из ответа царя можно понять, что ее имя вообще не упоминалось в завещании.

⁵⁰ Это письмо адресовано: «Милостивому государю моему Миклуле в селе его Архангельском» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 11. № 1. Л. 56 об.).

⁵¹ Греч А.Н. Архангельское // Подмосковные музеи. М.-Л., 1925. С. 17. Надо заметить, что источники не указывают, были ли это недоделки или просто ремонтные работы после 25-летнего существования дворца.

⁵² Князь Н.С.Вяземский и его жена, желавшие приобрести усадьбу, считали, что ее продают недорого, но она «слишком для них великолепна и требует больших расходов для поддержки» (Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л., 1989. С. 172).

⁵³ Камер-фурьерский журнал. 1797 г. Апрель-июнь. СПб., 1897. С. 104-105.

К.В.Сивков писал по этому поводу: «Ясно, что если бы этот дом здесь не начал строиться или не был бы окончен, то, очевидно, приема для императора здесь нельзя было бы устроить. Ведь Павел был в Останкино во время своей коронации, во время этого пребывания в Москве; что же было ему показывать Архангельское после Останкина» (Сивков К.В. Архангельское. М., 1926).

⁵⁴ Вениаминов Б. Архангельское // Мир искусства, 1904, № 2. С. 33. Пер. с французского.

После смерти князя его вдова продала Архангельское. Существует ничем не подтвержденная гипотеза, что Николай Алексеевич сам намеревался это сделать, но она вызывает вполне обоснованные сомнения. Известно, например, что за три года до смерти, в 1806 году Голицыну почему-то очень хотелось утвердить свое завещание у царя⁴⁹. Возможно, уже в этот период у него были разногласия с женой по поводу усадьбы, требующей больших денег на содержание. Хотя до нас дошел только ответ Александра I, который не позволяет установить перечень завещаемых детям имений, скорее всего, в этом списке фигурировало тогда уже знаменитое Архангельское. Кому из своих детей князь хотел оставить свое любимое детище, мы не знаем, но одно из его писем к младшему сыну Михаилу, где отец называет Архангельское его (Михаила – В.П.) селом, может в какой-то мере свидетельствовать об этих намерениях⁵⁰.

Голицыну не хватило жизни, чтобы полностью реализовать свои планы: в Большом доме были отделаны не все комнаты, не была достроена западная оранжерея и не были завершены кое-какие другие работы. Это обстоятельство дало повод некоторым исследователям говорить о том, что князь не справился со «смелой до грандиозности художественной затеей»⁵¹. Но признание факта, что затея была грандиозной, скорее требует тщательного анализа того, что было сделано, чем небрежной сентенции, перечеркивающей всю работу. Это, конечно, нелегкая задача, учитывая, что от интересующего нас времени осталось немного документов. Впрочем, сама усадьба, являющаяся одним из самых важных источников, свидетельствует, что именно в XVIII в. возникло то Архангельское, за которым прочно закрепился эпитет «славное»: была создана его прекрасная планировка, разбиты великолепные сады, построен замечательный дворец и другие постройки⁵². Сам владелец считал, что его «сапранге» достаточно хороша для визита императора, который посетил ее 18 апреля 1797 г. на своем пути из Ново-Иерусалимского монастыря в Москву⁵³. Мы не знаем, какое впечатление усадьба произвела на Павла I, но императрице Марии Федоровне она запомнилась настолько, что в 1813 г. она писала Н.Б.Юсупову: «Меня уверяли, что Архангельское не пострадало (от наполеоновской армии – В.П.), и я этому очень рада, так как это действительно прекрасное место»⁵⁴. К сожалению, по сложившейся традиции в большинстве книг и статей об Архангельском основной акцент в изучении его истории по-прежнему переносится на 1810 – 20-е годы. На наш же взгляд, несмотря на трудности, связанные с поиском материалов, конец XVIII в. требует более пристального внимания исследователей, так как это наиболее важный период в формировании архитектурно-паркового ансамбля.

И.-Ф. Антинг. Великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна с детьми. 1785 г.

С 1810 г. Голицыны стали обу-
траиваться в другом подмосков-
ном имении — Никольском-Урю-
пине, которое Николай Алексее-
вич купил у князя В.С.Долгоруко-
ва еще в 1774 году. Сделал он это
по совету своего бывшего опеку-
на, владельца усадьбы Вязёмы
Н.М.Голицына. Впервые Николай
Михайлович предложил главному
опекуну, вице-канцлеру, приобре-
сти эту деревню еще в начале 1773 г.,
когда их подопечный путешество-
вал за границей, но тогда покупка
не состоялась⁵⁵. Однако благодаря
переписке по этому поводу до нас
дошло описание Никольского. В
то время в нем не было барского

Белый домик в Никольском-Урюпине.
Главный фасад. Фото начала XX в.

дома, но зато было много хозяйственных построек для скота и птицы, а также для
обработки и хранения сельскохозяйственных культур и сена. Кроме того, там бы-
ли мучные, крупчатые и пильные мельницы. Но, по всей вероятности, не это
привлекло покупателя. Что действительно могло искусить
будущего создателя Архангельского, это «сад великой и
пр[о]израженной⁵⁶, аллеи вышиной 9 аршин и партер, все
зделаны новым вкусом». Там также было 15 парников, од-
на теплица, шесть оранжерей, где росли ананасы, персики
и другие плодовые деревья. Из семи прудов, в которых ло-
вили рыбу, о трех было сказано особо: «там сидит всякого
звания рыба и стерляди»⁵⁷.

Весной 1774 года, когда впервые после восьмилетнего
отсутствия Николай Алексеевич приехал в Москву, быв-
ший опекун обратил его внимание на Никольское, которое
все еще не было продано. Молодого помещика не при-
шлось долго уговаривать, и после небольшого торга⁵⁸ по-
купка состоялась. «Я только что купил имение князя Дол-
горукова Урюпино, — писал новый владелец дяде в Петер-
бург 5 мая 1774 г., — за 22 тысячи рублей. Сделка почти за-
ключена. Я ничего не предпринимал, не посоветовавшись
предварительно с князем Николаем, который оказался на-
столько добр ко мне, что даже отложил намеченную поезд-
ку до тех пор, пока я уже не буду нуждаться в его советах»⁵⁹.

Мраморный сфинкс, стоявший
перед входом на лоджии Белого домика.
Начало XIX в.

Фрагмент росписи Белого домика в Никольском-Урюпине

⁵⁵ В ответ на предложение Николая Михайло-
вича вице-канцлер писал: «О продаже подмо-
сковной деревни князь Василия Сергеевича
Долгорукова я тем меньше советовать могу
купить оную для князь Николая Алексеевича,
что она весьма дорога и не может ему слу-
жить как единственным увеселением без
пользы» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7304. Л.13).

⁵⁶ То есть специально выращенный.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7304. Л. 5 об.

⁵⁸ Из документов 1773 года мы знаем, что
Долгорукий просил за Никольское-Урюпино
25 тыс. рублей, Голицын же его купил за
22 тысячи.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 7345. Л. 7об. Пер.
с французского.

Белый домик в Никольском-Урюпино. Парковый фасад. Фото начала XX в.

Мраморный сфинкс, стоящий перед входом на лоджии Белого домика. Начало XIX в.

⁶⁰ Торопов С.А. Подмосковные усадьбы. М., 1947. С. 18; Торопов С.А. Никольское-Урюпино // Подмосковные музеи. М.-Л., 1925. С. 47; Греч А.Н. Архангельское // Подмосковные музеи. М.-Л., 1925. С. 18; Греч А.Н. Венок усадьбам // Памятники отечества, вып. 32. С. 31; Врангель Н.Н. Венок мертвым. СПб., 1913. С. 93.

⁶¹ Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. М., 1989. С. 104.

⁶² Греч А.Н. Архангельское // Подмосковные музеи. М.-Л., 1925. С. 18; Зодчие Москвы времени барокко и классицизма. М., 2004. С. 188-189. В последней книге даже называется дата окончания строительства - 1780 г., но опять же без ссылок.

⁶³ Ильин М.А. Подмосковье. М., 1974. С. 195.

⁶⁴ Торопов С.А. Никольское-Урюпино // Подмосковные усадьбы. М.-Л., 1925. С. 48-51.

«Трудно найти какую-либо погрешность в его пропорциях и во всем его утонченном облике». А.Н.Греч оценил Белый домик, как «архитектурную затею, необычайно тонко выисканную», в которой нашли отражение «удивительно благородные формы раннего классицизма». «Изысканно-скромный снаружи и, как драгоценная табакерка, сверкающий внутри», — писал о доме Н.Н.Врангель⁶⁰. Художник А.В.Средин, рисовавший в 1907 г. виды Подмосковья и случайно открывший для себя эту усадьбу, был поражен. «Там есть оставленный дом Louis XVI, — писал он, — но вы знаете, в столь чистом виде в России этого не встретишь»⁶¹. К сожалению, об архитекторах, создавших Никольское, нам известно еще меньше, чем об «архангельских». Проект Белого домика приписывали и Герну, и Петонди⁶², но и то, и другое делалось без особых оснований. Известно лишь, что изнутри здание расписывалось крепостными мастерами по изданным рисункам Буше и Саламбие. Они были обнаружены в библиотеке Голицыных, и на них сохранились следы карандашной сетки — свидетельство того, что их в масштабе переносили на стены и плафоны⁶³. С.А.Торопов, видевший интерьеры Белого домика,

в начале 1920-х гг., описывает их следующим образом: «Фресковая орнаментика — гризайль по золоту, богато заполняющая глади стен, развертывается во фризах и сводчатой части плафона. Она прямо срисована с гравюр Буше. С ювелирной тонкостью исполненная лепка дает местами впечатление тонко просвечивающегося фарфора. <...> В других комнатах нет величия и пышности Золотого зала, но зато есть уют, соединенный с редким изяществом, орнаментальным и красочным»⁶⁴.

Построив дом, Николай Алексеевич расширил и усовершенствовал доставшийся ему от Долгорукова парк. Как и в Архангельском, там были аллеи из стриженных лип, обширные зеленые газоны, боскеты, кедровая роща. Среди зелени были расставлены вазы и скульптура.

Голицыну не было особой необходимости заводить дом в Никольском, так как всего в нескольких верстах находилась его главная усадьба. Однако он все же выстроил там небольшой дворец, известный под названием Белый домик. Сделано это было, вероятно, просто из желания украсить новое владение, и надо признать, что замысел удался. Кто бы ни писал об этом архитектурном памятнике, все отзывались о нем с восторгом. С.А.Торопов назвал его «подмосковным Трианоном». Он завершил архитектурный анализ этого здания следующими словами:

Архангельское. Мраморная ваза из Никольского-Урюпина

Фрагмент росписи плафона одного из залов Белого домика

До наших дней дошли два чудесных сфинкса, которые когда-то «грациозно от-теняли лоджию»⁶⁵. Широкая дорожка вела от южного фасада Белого домика к пруду, посреди которого на так называемом Острове Уединения стояла скульптурная группа «Три грации». Въезд в усадьбу с востока был оформлен в виде руины с обелиском наверху⁶⁶. Все эти характерные для екатерининского времени затеи, несомненно, были устроены в Никольском еще в XVIII в., и именно они произвели впечатление на художника А.В. Средину, который писал: «Парк во вкусе Lenotre с копаными прудами, старинными аллеями, лабиринтами, бездна цветов, особенно роз»⁶⁷. Об остальном судить сложнее. Мы не знаем, когда именно появился «изумительный по силуэту английский парк с благородными насаждениями», о котором пишет С.А.Торопов⁶⁸. Скорее всего, конторский флигель и манеж, чертежи которых когда-то хранились в голицынском архиве⁶⁹, были построены уже после продажи Архангельского.

Фрагменты росписи Золотого зала Белого домика

⁶⁵ В настоящее время сфинксы хранятся в ГМУ «Архангельское», и в летнее время их можно увидеть перед восточным фасадом дворца.

⁶⁶ Торопов С.А. Никольское-Урюпино // Подмосковные усадьбы. М.-Л., 1925. С. 52.

⁶⁷ Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. М., 1989. С. 104.

⁶⁸ Торопов С.А. Никольское-Урюпино // Подмосковные усадьбы. М.-Л., 1925. С. 57.

⁶⁹ Сводный каталог российских культурных ценностей, похищенных и утраченных в годы Второй мировой войны, т.12, кн. 3. М., 2007.

Чайная пара с монограммой князя
М.Н. Голицына и портретом
его отца Н.А. Голицына.
Завод Н.Б. Юсупова. 1831 г.

Тогда же появился и так называемый Большой дом, добротный, но ничем не выдающийся с архитектурной точки зрения. В литературе не раз высказывалось мнение, что его начал строить еще Николай Алексеевич⁷⁰. Но такая версия, не имеющая опять же никакого документального подтверждения, легко опровергается простым сравнением этого здания с другими постройками князя. Дворец в Архангельском и Белый домик явля-

П.-Ф.Томир. Канделябр в виде колонны.
Париж. 1820-е гг.

⁷⁰ Ильин М.А. Подмосковье. М.,1974. С. 195; Тихомиров Н.Я. Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955. С. 258.

Согласно семейным преданиям этот дом первоначально предназначался для театра. (Голицына А.Н. Маленький Миша // Переломы жизни. Нью-Йорк, 1991. С. 13). Возможно, Большой дом был заложен как будущий театр, а после продажи Архангельского его достроили по другому проекту.

Часы каминные «Прощание Гектора с Андромахой». Франция. Париж, мастерская Галле. Вторая четверть XIX в.

ются общепризнанными выдающимися памятниками архитектуры, про Большой же урюпинский дом известный историк искусства М.А.Ильин справедливо заметил: «Ясно, что его строил доморощенный архитектор, не слишком хорошо разбиравшийся в тонкостях архитектуры классицизма»⁷¹. Это здание, скорее всего, спроектированное крепостным архитектором, «значительно уступает Белому домику, как по планировке, так и по пропорциям и формам», и конечно, не может сравниться с последним по красоте и изяществу⁷². Принимая все это во внимание, можно с уверенностью сказать, что Большой урюпинский дом строила уже Мария Адамовна.

Никольское-Урюпино оставалось главной загородной резиденцией для единственного наследника Н.А.Голицына Михаила Николаевича⁷³, а также для его старшего сына и его детей. Хотя Никольское досталось Николаю Михайловичу, другие дети Михаила Николаевича тоже приезжали туда летом. Сохранился любопытный рассказ Дмитрия Михайловича о том, как направлявшаяся в усадьбу бесконечная вереница его экипажей со слугами и скарбом, а также громадный дормез самого барина, запряженный шестью лошадьми, удивили Александра II, который наблюдал за переездом, гуляя с семьей в Глуховском поле. На следующий день во время визита Дмитрия Михайловича в соседнее Ильинское государь ему заметил: «Ты настоящий древний боярин, переезжающий со своим семейством и со своею челядью в свое поместье»⁷⁴.

Надо отдать должное владельцам Никольского-Урюпина, они сохранили все, что было создано в XVIII веке. Соображения удобства и экономии, по-видимому, не раз навели на мысль о перестройках⁷⁵, но, в конце концов, взяло верх понимание художественной ценности усадьбы, созданной их предком. После Октябрьской революции 1917 г. Никольское было конфисковано и перешло в распоряжение Павловского волостного совета Звенигородского уезда. В течение года после конфискации в нем еще жили бывшие владелицы, три дочери Н.М.Голицына — А.Н.Голицына, Е.Н.Хитрово и М.Н.Свербева. Однако в ноябре 1918 г. их выселили, а в мае 1920 г. на территории усадьбы был открыт Художественно-бытовой музей, который просуществовал до 1929 года. Часть его кол-

Н.В. Неврев. Портрет князя Николая Михайловича Голицына (1820–1885). 1868 г.

Анна Николаевна Родзянко, урожденная Голицына (1859–1929)

Княжна Александра Николаевна Голицына (1857–1937), последняя владелица усадьбы Никольское-Урюпино

⁷¹ Ильин М.А. Подмосковье. М., 1974. С. 195.
⁷² Тихомиров Н.Я. Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955. С. 258; Ильин М.А. Подмосковье. М., 1974. С. 195.

⁷³ Старший сын Николая Алексеевича, Дмитрий, скончался 20 сентября 1812 г. от ран, полученных в Бородинском сражении, в этом же году умерла его дочь Мария, и таким образом Михаил остался единственным наследником.

⁷⁴ ОР РГБ. Ф.85. К.22. № 1. Л. 8.

⁷⁵ В архиве Голицыных хранились два варианта чертежей Белого домика XIX в. с планируемыми пристройками, которые так и не были реализованы (Торопов С.А. Никольское-Урюпино // Подмосковные усадьбы. М.-Л., 1925. С. 52).

Музей в усадьбе Никольское-Урюпино.
Голубая гостиная. Фото 1920-х гг.

лекций после закрытия попала в музей «Архангельское», а другая часть — в Истринский краеведческий музей⁷⁶. Здания и территория были переданы Военно-инженерной академии им. В.В.Куйбышева, владевшей ими до начала 1990-х годов⁷⁷. Новые владельцы приспособили Большой дом для своих нужд, совершенно переделав его изнутри, но сохранили почти без изменений главную достопримечательность усадьбы — Белый домик. Этот памятник, сильно пострадавший за последние двадцать лет, в настоящее время реставрируется.

⁷⁶ В настоящее время Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Значительная часть вещей, попавших туда из Никольского-Урюпина, погибла во время Великой Отечественной войны.

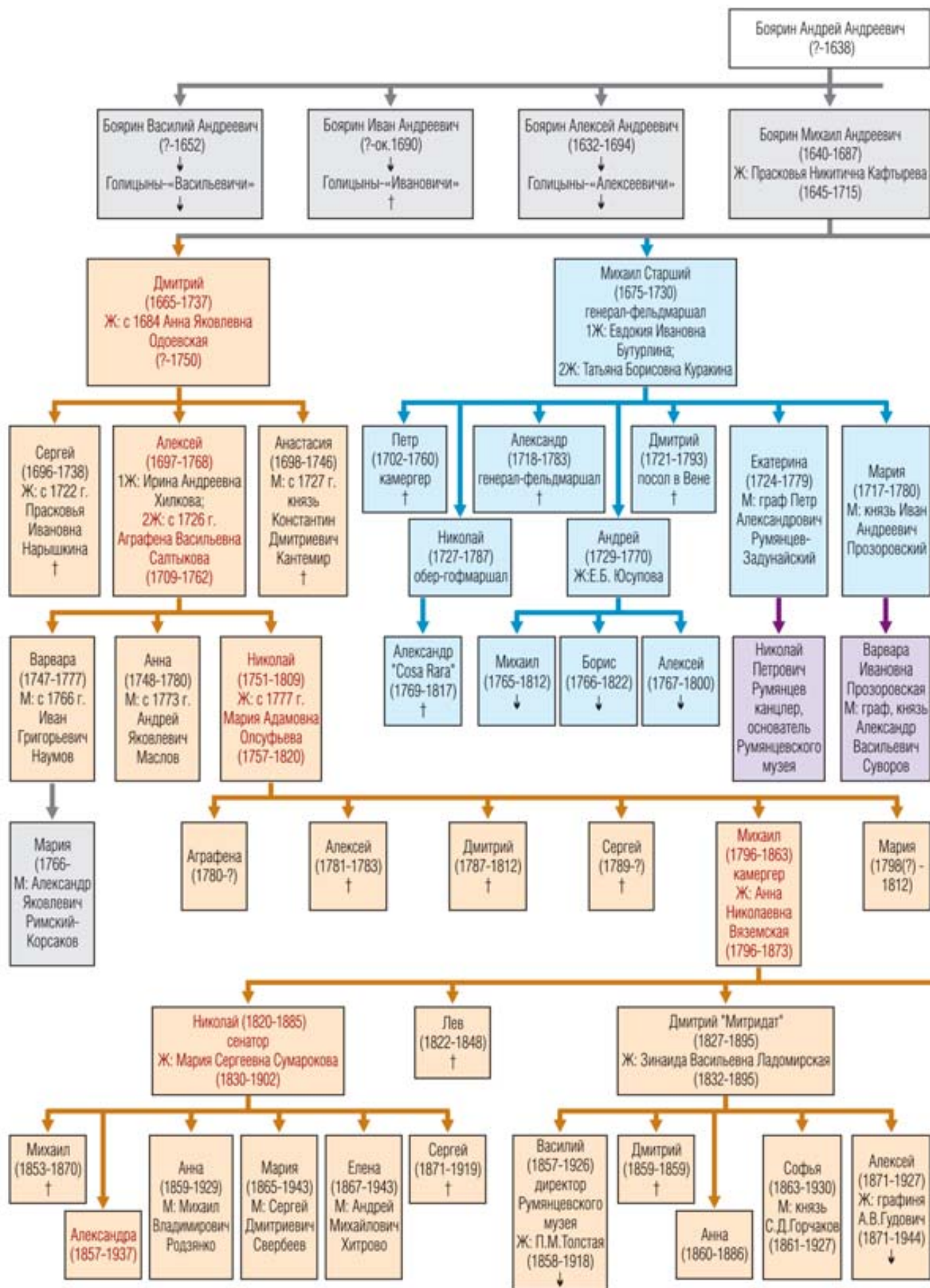
⁷⁷ Странова Е.В. История музея в Никольском-Урюпине // Красногорье. Историко-краеведческий альманах, № 1, Красногорск, 1997. С. 52-60.

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	
Другач В.В.	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	
Крючкова М.А.	5
ЧАСТЬ 1.	
АРХАНГЕЛЬСКОЕ И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ	
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.	
Крючкова М.А.	7
ЧАСТЬ 2.	
«АРХАНГЕЛЬСКИЕ» ГОЛИЦЫНЫ	
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – XIX вв.	
Парушева В.Г.	25
ЧАСТЬ 3.	
ГОЛИЦЫНСКИЕ УСАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЕ	
И НИКОЛЬСКОЕ-УРЮПИНО	
Парушева В.Г.	45

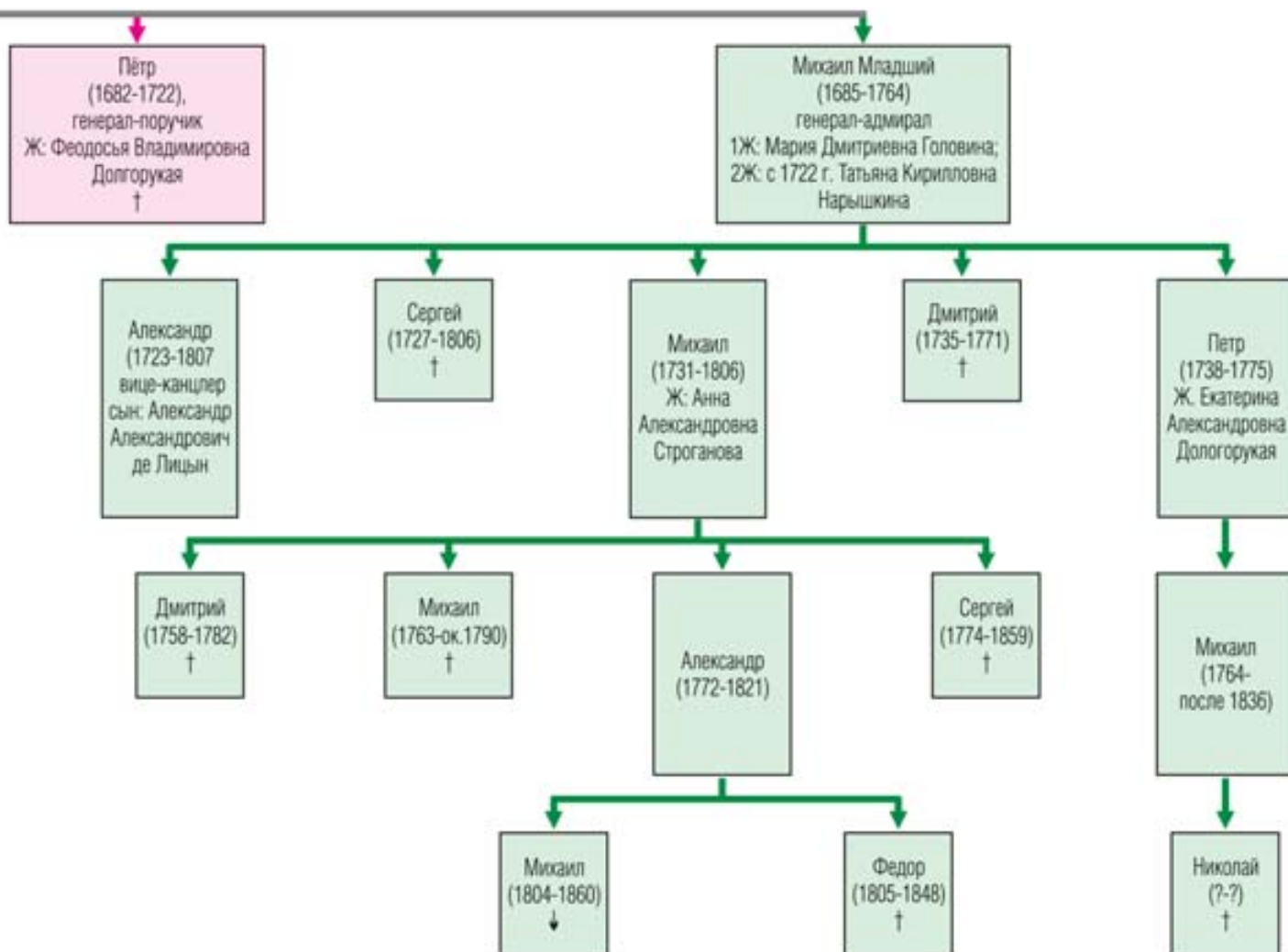
Список принятых сокращений:

ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ОПИ ГИМ	–	Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ГМУА	–	Государственный музей-усадьба «Архангельское»
МНИ	–	Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»
МЗК	–	Историко-архитектурный, художественный и археологический музей «Зарайский кремль»
МДК	–	Музей-заповедник «Дмитровский кремль»
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГБ	–	Российская государственная библиотека
ОР РГБ	–	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РНБ	–	Российская национальная библиотека
ОР РНБ	–	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ГОЛИЦЫНЫ «МИХАЙЛОВИЧИ»

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

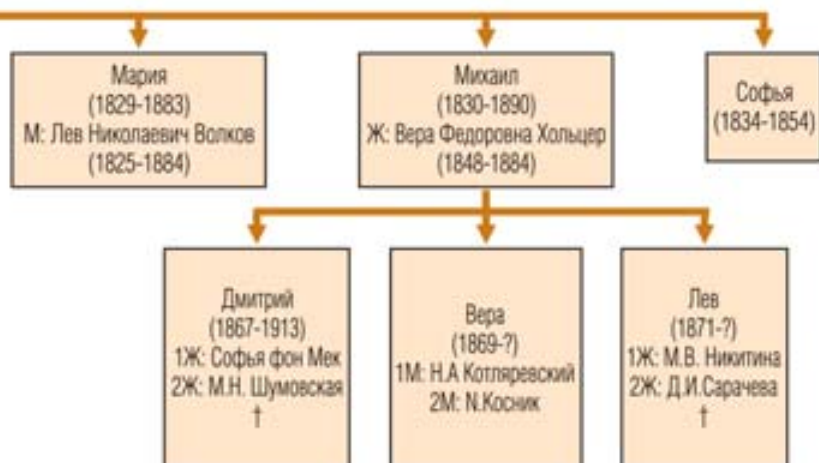

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Потомки Дмитрия Михайловича Голицына «верховника»
- Потомки фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына Старшего
- Потомки адмирала Михаила Михайловича Голицына Младшего
- Потомки князей Голицыных

Владельцы Архангельского и Никольского-Урюпина выделены цветом

- Продолжающиеся генеалогические линии
- Пресекающиеся генеалогические линии

Государственный музей-усадьба «Архангельское»

Печатается по решению
Научно-методического совета
Государственного музея-усадьбы
«Архангельское»

Под общей редакцией Л.Н. Кирюшиной

«Архангельские» Голицыны и их потомки
К 600-летию рода князей Голицыных

Редактор Л.А. Кулешова
Корректор Л.А. Кулешова
Дизайн и верстка А.В. Досаев

Фотографы А.В. Досаев, Б.Н. Кондраков,
В.Г. Парушева, Н.И. Сафонова

Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена или передана третьим лицам в любой форме и с использованием любых электронных, механических и других средств без письменного разрешения владельцев прав и издателя.

Подписано в печать 03.12.08.
Выпуск осуществлен ООО «Бизнесиндустрия»,
г. Нижний Новгород, ул. Артельная, д. 11а
Тираж 3000.

Информация о работе Государственного музея-усадьбы «Архангельское»

Парк открыт ежедневно с 10.00 до 20.00.

Экспозиции и выставки открыты в среду – воскресенье:

май–сентябрь с 10.30 до 17.00

(в выходные и праздничные дни до 18.00).

октябрь–апрель с 10.30 до 16.00

(в выходные и праздничные дни до 17.00).

Доступ на экспозиции прекращается за 30 минут до закрытия.

Фото- и видеосъемка на территории музея – по билетам.

Санитарный день – последняя среда месяца.

Прием заявок на экскурсии производится

в среду–воскресенье с 10.00 до 15.30

по тел. (495) 363-1375.

Для индивидуальных посетителей по субботам и воскресеньям

(летом с 13.00 до 16.00; зимой с 13.00 до 15.00)

организуются экскурсии по парку и выставочным залам

в сборных группах от 8 человек.

Мероприятия, фестивали, концерты:

справки по тел. (495) 797-5409.

Проезд:

**Автомобилем: по Волоколамскому либо Новорижскому шоссе
до поворота на Ильинское шоссе, далее до музея-усадьбы «Архангельское».**

Общественным транспортом: от ст. метро «Тушинская» м/т 151

до ост. «Санаторий» либо авт. 541, 549 до ост. «Архангельское»;

от ст. метро «Рижская», «Дмитровская», «Войковская», «Тушинская»

эл/п до ст. «Павшино», далее м/т №24 до ост. «Санаторий», №49 до ост. «Архангельское»

